

Санкт-Петербургский государственный университет

КРЮКОВА Алиса Владимировна

Выпускная квалификационная работа

Лексические клоны в русском языке

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа СВ.5048. «Теоретическое и
экспериментальное языкознание (английский язык)»

Профиль «Теоретическое и экспериментальное языкознание»

Научный руководитель:
старший преподаватель, Кафедра
общего языкознания,
Вилинбахова Елена Леонидовна

Рецензент:
доцент, Кафедра
общего языкознания,
Сай Сергей Сергеевич

Санкт-Петербург
2019

Оглавление

Введение	5
I. Конструкции с лексическими клонами в лингвистических исследованиях.....	9
1. Конструкции с лексическими клонами в ряду смежных явлений	9
1.1. Конструкции с лексическими клонами как тип синтаксической редупликации.....	9
1.2. Конструкции с лексическими клонами vs. одинарное употребление	10
1.3. Контрастивная редупликация vs. контрастивный фокус	11
2. Описания структуры конструкций с лексическими клонами.....	14
3. Семантический анализ конструкций с лексическими клонами.....	16
4. Прагматический аспект интерпретации лексических клонов	19
5. Редупликация в русском языке.....	25
5.1. Виды редупликации в русском языке, их функциональный статус и семантика	25
5.2. Редупликация существительных и прилагательных.....	28
5.2.1. Существительные	28
5.2.2. Прилагательные	29
5.3. Лексическое клонирование в русском языке: семантический аспект.....	31
II. Лексическое клонирование в разговорном языке и языке интернета	34
1. Методология	34
1.1. Ход исследования.....	34
1.2. Сбор корпуса примеров	34
1.2.1. Материал исследования	34

1.2.2. Поиск в корпусах	35
2. Формальные свойства конструкций с лексическими клонами в русском языке	39
2.1. Графическое отображение просодической целостности произнесения конструкции	39
2.2. Контрастивное выделение одного из элементов	40
2.3. Ограничения на заполнение элементов конструкции	44
2.4. Синтаксические функции и контексты	48
3. Интерпретация конструкций с лексическими клонами в русском языке	50
3.1. Общие замечания	50
3.2. Классификация значений конструкций с лексическими клонами	51
3.3. Указание на способ интерпретации значения (редуплицируемого) языкового выражения	53
3.3.1. Точность / Буквальное значение	53
3.3.2. Разрешение многозначности	54
3.3.3. Детерминатив	56
3.3.4. Обращение	57
3.3.5. Уступка	57
3.3.6. Передача непрямой речи	58
3.4. Характеристика описываемой внеязыковой сущности (объекта или ситуации)	59
3.4.1. Интенсивность проявления свойства	59
3.4.1.1. Высокая степень проявления свойства	59
3.4.1.2. Максимальная степень	61
3.4.1.3. Усиление	62
3.4.2. Длительность/множественность	63
3.4.3. Прототип	64
3.5. Дополнительные замечания	67

3.6. Типы интерпретации и контекст.....	69
4. Лексическое клонирование в ряду других конструкций с лексическими повторами.....	72
4.1. Лексические клоны и другие продуктивные образования, не зафиксированные в словаре	72
4.2. Лексические клоны и тавтологии типа « <i>A is A</i> » (« <i>A есть A</i> »)	73
4.3. Конструкции «Такой X-X» и «X такой X»	78
4.4. Лексические клоны и другие структуры с тождественными словоформами.....	79
Заключение.....	84
Литература.....	89

Введение

Настоящая работа посвящена структурам типа (1-2):

- (1) *У нас в Калининграде наконец зима зима¹ ** ☺ Радуюсь этому дому под теплым пледом и с кружкой вкусного какао (<https://vk.com/id72946738>)*
- (2) *Реакция на его имя сегодня бывает двух видов: ужас-ужас (это позиция власти) или «Да здравствует наш Робин Гуд!» (это позиция всех обиженных).²*

В литературе они обозначаются как «конструкции с удвоением» [Dray 1987], «лексические клоны» [Horn 2008, 2018; Huang 2009, 2015], а также «контрастивная фокусная редупликация» [Ghomeshi et al. 2004; Whitton 2006; Lee 2007; Song & Lee 2011]. В данной работе будет использоваться термин *лексические клоны и конструкции с лексическими клонами* (см. ниже).

Данные конструкции в ряду других структур с лексическими повторами (тавтологий, конструкций с тождественными словоформами и др.) привлекают внимание исследователей благодаря немотивированному, на первый взгляд, выбору говорящим избыточной языковой формы (см. обзор в [Horn 1993] и ссылки в данной работе). Тем не менее, они распространены как в письменной, так и в устной речи, и у говорящих не возникает трудностей с их интерпретацией. Для конструкций с лексическими клонами, которые интересуют нас в данной работе, отмечается их преимущественное употребление в неформальной коммуникации [Гилярова 2010].

Структурные и семантические характеристики конструкций с лексическими клонами рассматривались на материале ряда языков, а именно английского [Horn 1993, 2018; Ghomeshi et al. 2004; Whitton 2006; Lee 2007; Huang 2009, 2015], итальянского [Вежбицкая 1999], французского

¹ Здесь и далее выделение полужирным шрифтом моё – А. В.

² Если не указано иначе, все примеры взяты из собранного в ходе исследования корпуса примеров. Орфография и пунктуация авторов сохранены (подробнее о корпусе примеров см. раздел 1.2 второй главы).

[Штейнберг 1969], малайского и тамильского [Nadarajan 2006], эстонского [Keevallik 2010] и других языков.

В русском языке повторы прилагательных и глаголов анализировались в работах [Исраэли 1996; Крючкова 2004; Саньярова 2018б; Apresjan 2018], в то время как структуры с именными группами изучались менее подробно, за исключением доклада К. А. Гиляровой 2010 года [Гилярова 2010] и заметки И. Б. Левонтиной [Левонтина 2010]. Возможная причина этого заключается в том, что редупликация существительных представляет собой во многом новое и не очень частое явление в русском языке (см. [Гилярова 2010]).

Тем не менее, как будет рассмотрено в дальнейшем, в настоящее время модель лексического клонирования является довольно продуктивной и употребляется всё чаще, в связи с чем представляется важным изучение особенностей её функционирования в речи носителей.

В настоящей работе продолжается изучение данной темы на материале русского языка. Цели исследования можно сформулировать следующим образом:

1. Описать и проанализировать особенности функционирования в русском языке конструкций с лексическими клонами.
2. Составить классификацию значений, реализуемых при употреблении лексических клонов.
3. Провести параллели между рассматриваемыми конструкциями и другими структурами с повторами единиц.

Исходя из этого, объектом исследования являются конструкции с лексическими клонами в русском языке, а предметом исследования – примеры употребления изучаемых конструкций, собранные в Национальном корпусе русского языка, корпусе ruTenTen в системе Sketch Engine, а также зафиксированными в устной коммуникации (подробнее о корпусе примеров см. раздел 1.2 в Главе II).

Для достижения названных целей были поставлены следующие задачи:

- Провести анализ литературы, посвящённой конструкциям с лексическими клонами и, шире, редупликации, на материале русского и других языков.
- Выяснить, совпадает ли то явление, которое встречается в русском языке, например, в предложениях (1) и (2) с тем, что описывается на материале английского языка как *the double, contrastive (focus) reduplication* и *lexical cloning*.
- Собрать корпус примеров конструкций с лексическими клонами на материале русского языка.
- Сформулировать ограничения на языковые выражения, которые могут становиться элементами конструкции с лексическими клонами.
- Описать различные характеристики подобных структур, в том числе их формальные свойства (синтаксические и морфологические особенности), а также прагматический и семантический аспекты при их интерпретации.
- Проанализировать стратегии интерпретации данных конструкций, представленные в собранном материале, и сопоставить их со значениями, описанными в литературе.
- Выявить, при наличии, контекстуальные маркеры каждой из стратегий интерпретации.
- Сформулировать параллели между конструкциями с лексическими клонами и другими языковыми явлениями, имеющими с ними структурные и семантические сходства.

В работе проводится критический анализ литературы, посвящённой редупликации и, в частности, лексическим клонам в языках мира и используется метод корпусного анализа: привлечение корпусных данных позволяет получить множество разнообразных примеров употребления

изучаемой структуры в современном русском языке для более полного исследования её свойств.

Работа организована следующим образом. Текст разделён на две главы: «Конструкции с лексическими клонами в лингвистических исследованиях» и «Лексическое клонирование в разговорном языке и языке интернета», с дальнейшим делением на подразделы.

В первой главе работы приводится обзор литературы: обсуждается лексическое клонирование как тип синтаксической редупликации и его статус среди смежных явлений (раздел 1); разбираются существующие описания структуры подобных конструкций (раздел 2); уделяется внимание освещению в литературе семантического и прагматического аспектов интерпретации лексического клонирования (разделы 3-4). Отдельно рассматривается изучение редупликации в русском языке: выделяемые виды удвоений, анализ редупликации существительных и прилагательных, а также работа К. А. Гиляровой [Гилярова 2010] о лексическом клонировании (раздел 5).

Во второй главе представлена практическая сторона исследования. В первом разделе приводится методология и ход исследования, во втором рассматриваются формальные свойства конструкций с лексическими клонами в русском языке. В третьем разделе обсуждается интерпретация подобных конструкций, приводится классификация её возможных значений, а также комментируется связь выбираемого типа интерпретации и контекста употребления лексического клона. В последнем разделе представлено сопоставление лексического клонирования с тавтологиями и другими конструкциями с тождественными словоформами.

В заключении подведены итоги работы и сформулированы выводы, которые позволяет сделать проведённое исследование.

I. Конструкции с лексическими клонами в лингвистических исследованиях

1. Конструкции с лексическими клонами в ряду смежных явлений

1.1. Конструкции с лексическими клонами как тип синтаксической редупликации

Под редупликацией понимается повтор слова или его части. Конструкции с лексическими клонами относят к *синтаксической редупликации*³, которая заключается в повторении целого слова, как, например, *adagio adagio* ‘медленно медленно’ в итальянском или *liten liten* ‘маленький маленький’ в шведском, см. [Keevallik 2010: 6]⁴. Другими словами, синтаксическая редупликация – это полная редупликация слова, удвоение минимальной синтаксической единицы.

Синтаксическую редупликацию, см. (3), следует ограничивать от лексического повтора, см. (4), поскольку, в отличие от последнего, редупликация характеризуется единым просодическим контуром. Как пишет Леело Кевалик, она «порождается и воспринимается как единое действие, а не повторение одного и того же действия дважды» [Keevallik 2010: 5]. Просодическая связность – произнесение обоих слов без паузы – является одной из определяющих черт синтаксической редупликации.

(3) *Если хочется прямо шоколадный-шоколадный, то нужно искать в селективных ароматах.*

³ В то же время нужно заметить, что лексическое клонирование может быть справедливо названо и лексической редупликацией – как удвоение единицы для образования некоторого лексического значения или оттенка значения, в отличие от грамматической редупликации, предполагающей повтор слова или его части для выражения грамматического значения. При этом редупликация для выражения грамматических значений очень распространена: она встречается в 85% языков мира (продуктивные модели существуют в 313 из 368 языков из выборки в WALS, см. [Rubino 2013]).

⁴ Подробный разбор различных типов редупликации представлен в [Рожанский 2010].

(4) *Стоял тихий, тихий летний вечер, когда кажется, что ничто не может нарушить спокойствия, опустившегося вместе с голубой дымкой на веранду с плетеной мебелью, на запущенный сад и на темнеющий лес вдали.*

Следует отметить, что для обозначения рассматриваемых конструкций в литературе используются различные термины. В ранних работах подобные структуры обозначались как «конструкции с удвоением» (англ. the double construction) (см., например, [Dray 1987]), однако более широкое употребление получил термин *лексические клоны*, используемый Л. Хорном и Я. Хуангом [Horn 2008, 2018; Huang 2009, 2015]. Кроме того, параллельно существует термин *контрастивная фокусная редупликация* (англ. contrastive focus reduplication) [Ghomeshi et al. 2004; Whitton 2006; Lee 2007; Song & Lee 2011]⁵. В настоящей работе в первую очередь используется термин *лексические клоны*, поскольку он активно употребляется в литературе и объединяет больше явлений, чем понятие контрастивной фокусной редупликации (см. ниже).

1.2. Конструкции с лексическими клонами vs. одинарное употребление

Эдит Моравчик, анализируя конструкции с лексическими клонами, приходит к следующему выводу:

« <Данные структуры> почти всегда подразумевают всё то, что и неудвоенные формы, и при этом также способны передавать некоторые значения, которые не могут быть реализованы в нередулированных употреблениях» [Moravcsik, 1978: 317].

Рассматривая тот же вопрос с позиций прагматического подхода (см. ниже), Леело Кевалик пишет, что редуцированные формы (в частности, в позиции ответа на предшествующую реплику) не просто

⁵ Для исследователей, называющих обсуждаемое явление именно таким образом, определяющей его чертой является наличие контрастивного фокуса, который создаётся за счёт интонационного выделения первого элемента конструкции с редупликацией и противопоставляет референт другим возможным – см. ниже.

усиливают эффект недублированной формы, а выполняют принципиально другую социальную функцию [Keevallik 2010: 35].

Об отличии, характеризующем значение удвоенного слова по отношению к однократному употреблению, пишет также Бинна Ли, но уже в более узком контексте контрастивной фокусной редупликации [Lee 2007: 78]. Она отмечает, что такой тип редупликации обладает интересными семантическими характеристиками, поскольку не является «простым повторением или дублированной формой лексического элемента для передачи значения интенсивности» [Lee 2007: 79].

1.3. Контрастивная редупликация vs. контрастивный фокус

Под фокусом в общем смысле подразумевается часть высказывания, которая в данном контексте является наиболее важной и/или информативной и выделяется при помощи определённых лингвистических средств [Stevens 2017]. Другими словами, фокус выделяет некоторый фрагмент информации на фоне остальной части высказывания. Контрастивный фокус, согласно формулировке Рейко Вермеулена, предполагает «отрицание по крайней мере одной из множества релевантных альтернатив» [Vermeulen 2010: 3].

Как отмечает Мальте Циммерманн, условия для контрастивности возникают, когда

«некоторый речевой акт (или его часть) сам по себе, скорее всего, не привлечёт внимания слушающего: в таком случае, чтобы изменить его установки в соответствии со своей коммуникативной задачей, говорящий должен использовать дополнительное маркирование» [Zimmermann 2007: 2].

Циммерманн отмечает, что контрастивный фокус непосредственно связан с установками (англ. термин *background assumptions*) участников дискурса, и в первую очередь с представлениями говорящего об установках слушающего [Zimmermann 2007: 148], и формулирует гипотезу контрастивного фокуса (Contrastive Focus Hypothesis):

«Контрастивное маркирование элемента, выделяемого фокусом, является свидетельством того, что говорящий предполагает, что его собеседник не распознаёт значение данного элемента или всего речевого акта, содержащего этот элемент, в качестве их общей информационной базы» [Zimmermann 2007: 154].

Согласно данной гипотезе, понятие контрастивности относится не к тому контрасту, который создаётся за счёт множества вариантов реализации некоторых лингвистических единиц, а к контрасту из-за несовпадения информации, которую говорящий собирается передать через языковое выражение, и его ожиданиями относительно установок слушающего.

Контрастивная редупликация и контрастивный фокус оба являются частными проявлениями явления контрастивности. Тем не менее, между ними существуют различия. Объясняя их, Бинна Ли [Lee 2007] опирается на следующую пару примеров:

(5) *I didn't give the book to JOHN.*

(6) *I didn't give the book to JOHN-JOHN.* [Lee 2007: 86]

Можно заметить различие в значении, передаваемом каждым из этих примеров. В то время как контрастивный фокус (пример (5)) противопоставляет слово другим словам того же (или другого подходящего) типа, при контрастивной редупликации (пример (6)) реализуется контраст между несколькими возможными значениями одной и той же языковой единицы [Там же: 87; Ghomeshi et al. 2004: 317].

Несмотря на приведённые наблюдения о реализации контрастивности в примерах с редупликацией, есть свидетельства в пользу того, что непосредственная связь синтаксической редупликации с фокусом прослеживается не всегда: подтверждением могут служить лексические клоны, чьё употребление не отсылает к некоторому очевидному множеству альтернативных значений и, соответственно, не вызывает эффект

контрастивного фокуса (например, в предложении (7), приводимом Дж. Гомеши и рассматриваемым Л. Хорном в [Horn 2018: 238]):

- (7) *She was over the legal limits of sobriety, but still functioning; she wasn't 'DRUNK drunk'.* [Ghomeshi et al. 2004: 312]

В целом, в настоящем разделе было показано, что в литературе конструкции с лексическими клонами рассматриваются как тип синтаксической редупликации; кроме того, были подчёркнуты различия между данными конструкциями и одинарным употреблением; а также, в связи с обсуждением реализации контрастивного фокуса в данных структурах, обнаруживаются примеры, где отсылки к возможным альтернативам всё же не происходит, что демонстрирует своеобразие рассматриваемой конструкции и её несводимость к близким языковым явлениям.

2. Описания структуры конструкций с лексическими клонами

В литературе отмечается, что элементами конструкции с лексическими клонами могут становиться члены различных категорий, в том числе разных частей речи. В английском это, например, существительные (8), прилагательные (9), наречия (10), глаголы и их сочетания с местоимениями (11), сами местоимения (12), глагольные частицы (13), имена собственные (14) [Ghomeshi et al. 2004: 308], а также идиоматизированные выражения (15) [Там же] и даже целые предложения (16) [Horn 2018: 239]⁶:

(8) *I'll make the tuna salad, and you make the SALAD–salad.*

(9) *Is he French or FRENCH–French?*

(10) **A:** *I'm late, Lois.*

B: *Well, if you didn't spend so much time on your hair . . .*

A: *No, I mean LATE–late!*

(11) *LIKE-’EM-like- ’em? Or, I’d-like-to-get-store-credit-for-that-amount like- ’em?*

(12) *My car isn’t MINE–mine; it’s my parents’.*

(13) *I’m up, I’m just not UP–up.*

(14) *That’s not AUCKLAND–Auckland, is it?*

(15) *Oh, we’re not LIVING-TOGETHER–living-together.*

(16) *I didn’t mean who are you what’s your name I meant WHO-ARE-YOU- who-are-you.*

⁶ Примеры также взяты из [Horn 2018].

В то время как в литературе основное внимание уделяется лексическим клонам с существительными и, несколько реже, прилагательными и глаголами, допустимость в данной конструкции и других типов элементов показывает её широкую продуктивность и потенциал в передаче разных типов значений, к которым мы и переходим.

3. Семантический анализ конструкций с лексическими клонами

Эдит Моравчик отмечает, что (синтаксическая) редупликация регулярно выражает увеличенное количество или необходимость уделить особое внимание чему-либо [Moravcsik, 1978: 317], см. также наблюдение Лоуренса Хорна: «существует общая, обусловленная иконичностью тенденция к использованию повторения [...] для обозначения большей выделенности по одному или нескольким физическим параметрам» [Horn 2008: 36]. По словам Н. М. Саньяровой,

«В художественном тексте, в публицистике, в интернет-коммуникации, в разговорной речи редупликация способствует концентрации внимания читателей или слушателей на том или ином явлении, более точной передаче сематических оттенков, созданию стилистической окраски и т. п.» [Саньярова 2018б: 7].

У синтаксической редупликации исследователями выделяется более узкое базовое значение: значение интенсивности некоторого признака [Apresjan 2018; Крючкова 2004; Гилярова 2010; Ghomeshi et al. 2004; Horn 1993], ср. *Я встал рано* и *Я встал рано-рано*. Тем не менее, с самого начала изучения явления лексического клонирования многие лингвисты отмечали, что, поскольку оно отличается от других типов редупликации, значение, реализуемое при употреблении конструкций с лексическими клонами, шире, чем просто усиление собственного значения слова.

Так, несмотря на сложность определения семантики данных конструкций, существует некоторое множество более-менее чётко формулируемых значений, выделяемое для редуплицированных форм.

В общем смысле семантический эффект лексического клонирования был определён Джилой Гомеши как сужение количества подходящих референтов лексической единицы [Ghomeshi et al. 2004]. Внутри этого семантического эффекта вслед за Лоуренсом Хорном принято выделять четыре типа значения, которые могут реализовываться в различных ситуациях и контекстах: прототипическое значение (prototypical) (пример (8), повторённый под

номером (17)), буквальное значение (literal, пример (18)), усиленное значение (intensified, пример (19)) и добавочное значение (value-added, пример (20)), см. [Horn 2008].

- (17) *I'll make the tuna salad, and you make the **SALAD**-salad.* [Ghomeshi et al. 2004: 308]
- (18) **A:** *Maybe you'd like to come in and have some coffee?*
B: *Yeah, I'd like that.*
A: *Just **COFFEE**-coffee, no double meanings.* [Ghomeshi et al. 2004: 315]
- (19) **A:** *Are you nervous?*
B: *Yeah, but, you know, not **NERVOUS**-nervous.* [Ghomeshi et al. 2004: 315]
- (20) *Is that your **FRIEND**-friend, or just a friend?* [Horn 1993: 50].

Среди выделяемых значений одно, а именно прототипическое, рассматривается Л. Хорном и другими исследователями (см., например, [Ghomeshi et al. 2004]) как основное для данной конструкции:

«Можно сказать, что редуплицированный элемент выделяет одного члена или подмножество внутри экстенсионала, которое представляет собой истинный, реальный, дефолтный или прототипический экземпляр» [Horn 1993: 48].

Об этом же пишет Бинна Ли:

«Редуплицированная форма порождает обозначение более прототипического и дефолтного значения лексической единицы, из-за чего возникает семантический контраст со значением неудвоенного слова» [Lee 2007: 78].

Возможно, такое смещение внимания в сторону данного типа значения происходит в противовес значению очень распространённого типа лексической редупликации – редупликации прилагательных для усиления их значения.

Стоит отметить также, что сама задача определения дефолтного значения конструкций с лексическими клонами поддерживается не всеми исследователями. В то время как некоторые лингвисты (в том числе упомянутые выше Л. Хорн и Дж. Гомеши) занимаются определением реализующихся изолированно значений для клонов с существительными и прилагательными, другие – например, Л. Уиттон, Я. Хуанг, М. Сонг и Ч. Ли [Whitton 2006; Huang 2009; Song and Lee 2011], следуя в этом за Нэнси Дрей [Dray 1987], фокусируются на эффектах, которые имеет контекст при трактовке подобных конструкций, и ставят под сомнение возможность установления для них каких-либо центральных, дефолтных значений, см. о двух подходах [Horn 2018: 244] и подробнее о втором подходе в разделе 4 данной главы.

Наконец, явление лексического клонирования имеет семантическую параллель с таким явлением, как ретронимия. Оно представляет собой использование модификатора, который в прошлом не требовался, для сужения значения некоторого слова до своего прототипического, изначального значения: *акустическая гитара, аналоговые часы, ручной труд* [Horn 2018: 255]. Причиной появления необходимости в уточняющем определении становится обычно технологический и/или социальный прогресс, в результате которого расширяется денотативное значение слова.

Согласно Л. Хорну, лексические клоны типа *BOOK book* или *MOM mom* можно рассматривать как ретронимы, поскольку семантический эффект данной конструкции соответствует эффекту употребления ретронимов: *BOOK book* выделяет бумажные книги в противопоставление электронным, а *MOM mom* – биологическую мать, а не приёмную [Там же]. Таким образом, лексические клоны также могут указывать на использование слова в своём узком, буквальном значении.

4. Прагматический аспект интерпретации лексических клонов

Изучение прагматического аспекта значения конструкций с лексическими клонами часто происходит с позиции теории Пола Грайса и его последователей. Так, Лоуренс Хорн в рамках своей прагматической концепции, относящейся к неограйсианству, осмысливает вклад, делаемый говорящим в ходе коммуникации, как обуславливаемый взаимодействием двух принципов: количества (Quantity) и отношения (Relation). Согласно первому принципу (Q), ориентированному на слушающего, в процессе коммуникации необходимо давать как можно более исчерпывающую информацию, а согласно второму (R), ориентированному на говорящего, следует давать только минимально необходимую информацию [Horn 1993: 39].

По Хорну, любое высказывание, на первый взгляд нарушающее один из этих принципов, порождается говорящим с некоторой целью. Из этого правила, в частности, исходят исследователи при изучении семантического и прагматического аспектов использования редупликации:

«Ключевым моментом является то, что, когда говорящий выбирает более сложное или менее лексикализированное языковое выражение вместо более простой альтернативы, для этого всегда (с учетом принципа разделения прагматического труда) есть достаточное основание» [Horn 1993: 43].

В этой же работе Лоуренс Хорн касается собственно лексических клонов, определяя это явление как «частичную избыточность, обусловленную информационной нагруженностью» (англ. *informationally motivated partial redundancy*) [Там же: 48]. Отмечая, что использование подобной удвоенной формы требует больше усилий (как для порождения, так и для восприятия), чем одинарной, и в то же время не является более информативным (то есть, такое употребление на первый взгляд кажется нарушением принципов Q и R), Л. Хорн заключает, что оно не является избыточным, а передаёт некоторый конкретный смысл, заложенный говорящим. Следовательно, оно должно быть

обусловлено выделяемыми исследователем принципами и быть одновременно необходимо (в противоположность X) и достаточно (в противоположность более развёрнутому языковому выражению) [Там же: 49].

О том, что удвоенная форма в случае лексических клонов не является избыточной, писала также Бинна Ли [Lee 2007], объясняя это тем, что правила и контексты употребления редуплицированных форм отличаются от употребления обычных, неудвоенных форм [Lee 2007: 80]:

(21) a. *I'll make the tuna salad, and you make the SALAD-salad.*

*b. *I'll make the tuna salad, and you make the salad.* [Lee 2007: 80]

Рассматривая данный пример, она отмечает, что в нём наличие редуплицированной формы является условием грамматичности предложения, что позволяет сделать вывод о том, что в случае такой редупликации больший план выражения соответствует большему плану содержания.

Говоря же о том, чем может быть обусловлен выбор в пользу удвоенной формы, Лоуренс Хорн апеллирует к Нэнси Дрей [Dray 1987] и выделяет один из факторов, которые могут объяснить предпочтение носителем удвоенной формы (согласно принципу отношения R), а именно то, что это проще, чем эксплицитно формулировать более узкое дефолтное значение [Horn 1993: 49]. Действительно, повторить единицу, предполагая, что слушающий из контекста и интонационного оформления высказывания выведет подразумеваемое значение, требует меньших усилий, чем попытка найти другие слова, которые сузили бы значение использованного слова до того, которое необходимо передать.

Интересно, кроме того, наблюдение Л. Хорна о паралингвистических сигналах и паузах, которые могут сопровождать употребление редуплицированной формы и (часто в сочетании) используются для того,

чтобы противопоставить одно возможное значение лексического клона другому. Рассмотрим пример (22), приводимый в работе Хорна: здесь происходит противопоставление не между обычной и редуплицированной формой, как в большинстве случаев, а между двумя возможными значениями удвоенного слова. В первом случае имеется в виду собственно друг, друг в узком смысле, а во втором, сопровождаемом поднятыми бровями и паузой, присутствует намёк на романтические отношения между обозначаемым референтом и собеседником говорящего.

(22) *Are you a FRIEND friend or sort of a ^^ FRIEND friend?*⁷ [Horn 1993: 50]

В связи с этим можно упомянуть замечание Джилы Гомеши о том, что за счёт сильной взаимосвязи, существующей между контрастивной редупликацией и потенциальной неоднозначностью семантики, употребление редуплицированного слова может побудить слушающего «сделать вывод о неоднозначности используемого слова, даже если до этого ему не приходила в голову сама возможность неоднозначности» [Ghomeshi et al. 2004: 315].

Кроме того, обсуждаемый пример Л. Хорна свидетельствует о том, что значение лексического клона невозможно определить только по языковой форме, не опираясь на дополнительную информацию. То есть, вывод о том, что в приведённом выше примере «друг-друг» при первом употреблении имеет значение, отличное от употребления той же формы во второй раз, можно сделать, только обладая более широким контекстом и сведениями об интонации говорящего (и, в данном конкретном случае, также о паралингвистических сигналах, сопровождающих высказывание).

О необходимости наличия контекста и общих знаний о мире для правильного понимания, какое из возможных значений реализуется в

⁷ Знак перед вторым удвоенным употреблением символизирует поднятые брови говорящего.

лексическом клоне, пишет, в частности, Лаура Уиттон [Whitton 2006]. Она рассматривает группу из пяти примеров, в которых используется редуплицированная форма существительного *drink*, при этом в каждом из них реализуется отличное от других значение удвоенной формы. Встречается обозначение алкогольного напитка в отличие от безалкогольного, крепкого алкоголя в отличие от вина или пива, коктейля, а не шота, газированного напитка в противопоставление воде, и, наконец, безалкогольного напитка, в отличие от содержащего алкоголь. Л. Уиттон отмечает, что из самой ситуации не следует, какое из зафиксированных значений будет иметь редуплицированная форма, так что, соответственно, это невозможно предсказать: понимание появляется за счёт эксплицитного предоставления альтернативы (вода, шот, алкоголь etc).

Размышляя о роли прагматики в понимании значения редуплицированных форм, Л. Хорн описывает модель взаимодействия говорящего и слушающего в течение коммуникативного акта, в ходе которого употребляется лексический клон: говорящий рассчитывает на то, что слушающий знаком с лексически и культурно обусловленным прототипом используемой языковой единицы, но в то же время говорящий может ожидать, что тот сможет преодолеть дефолтную интерпретацию, если важные аспекты контекста будут способствовать другому пониманию [Horn 2008: 38].

В более поздней работе взаимопонимание говорящего и адресата интерпретируется как социальный фактор: говорящий, предполагая, что его опыт совпадает с опытом слушающего в достаточной степени, чтобы тот понял значение, которое собирается передать говорящий, подчёркивает социальную связь, существующую между ним и его собеседником [Horn 2018: 241]. При этом, поскольку возникающая интерпретация не становится частью значения лексического клона, Л. Хорн заключает, что в данном случае речь идёт именно о лексической прагматике, а не о лексической семантике [Там же].

О pragматических свойствах конструкции пишет Леело Кевалик [Keevallik 2010], которая рассматривает её употребление в контексте определённых социальных практик, таких как побуждение к совершению или не-совершению некоторого действия, высказываемое в ответ на предшествующую реплику, повтор слов собеседника в качестве насмешки, подкрепление ответов на общие вопросы и предоставление не запрашиваемого собеседником подтверждения.

По мнению Л. Кевалик, употребление конструкции позволяет построить ответ с учётом социальных факторов [Keevallik 2010: 34], и в её работе исследуется синтаксическая редупликация слов и словосочетаний в позициях, следующих за фразой другого участника коммуникации, где такие единицы потенциально могут являться законченными репликами⁸. В эстонском такой тип редупликации используется обычно в начальной позиции в высказывании, за чём сразу следует смена говорящего.

Интересно отметить, что контекст употребления конструкций с редупликацией, похожий на один из рассматриваемых Леело Кевалик, встречается (и довольно употребим) в русском. Более конкретно, использование редуплицированного императива для выражения настойчивости. Кевалик ссылается на статью Алины Исраэли [Israeli 1997: 599-600, примеры 31, 32], где подробно обсуждается редупликация глаголов в русском языке. В одном из примеров из статьи один собеседник настоятельно предлагает другому взять деньги, которые тот, судя по всему, колеблется принять. Тогда первый произносит две реплики с редуплицированными единицами: *держите, держите!* и *берите, берите!*. Как пишет Л. Кевалик, «хотя примеры взяты из литературных произведений и в тексте отсутствуют просодические характеристики, очевидно, что формы императива

⁸ Это условие является критерием того, чтобы высказывание считалось единицей коммуникативного шага (англ. turn construction unit) [Sacks et al. 1974: 702-703; цит. по: Keevallik 2010: 8].

редуплицируются в целях настойчивости, как и в случаях, встречающихся в эстонском языке» [Keevallik 2010: 12].

Таким образом, приведённые наблюдения подтверждают важность тщательного изучения прагматических факторов при трактовке лексических клонов.

Обобщая сказанное в предшествующих разделах, следует отметить, что использование удвоенной формы отчётливо выделяется на фоне однократного употребления и имеет широкий спектр интерпретаций, уточняющих значение редуплицированного слова. При этом для определения конкретного значения в каждом случае необходимо опираться на всю доступную информацию о ситуации общения, включая непосредственный контекст, сведения о том, что может являться общей коммуникативной базой для говорящего и адресата, а также на информацию об интонации и в некоторых случаях даже жестах говорящего.

5. Редупликация в русском языке

5.1. Виды редупликации в русском языке, их функциональный статус и семантика

Явление редупликации широко представлено в русском языке. Существует множество её типов, затрагивающих различные уровни языка (см., например, [Исраэли 1996; Крючкова 2004]).

Так, например, Алина Исраэли рассматривает виды лексической редупликации, встречающиеся в русском языке. Под лексической редупликацией она понимает

«несвободный повтор слова или его элементов, когда сам повтор либо целиком принадлежит словарному или фразеологическому составу русского языка, либо представляет собой экспрессивный неологизм» [Исраэли 1996: 83].

А. Исраэли выделяет четыре группы редупликации в русском языке:

- повтор слога в слове,
- где автор разделяет слова иностранного происхождения (*ананас, какао*) и исконно русские слова (*хохотать, няня*);
- повтор однокоренных слов,

где выделяются неизменяемые сочетания (*давным-давно*) и те, в которых один элемент может подвергаться изменению (*рад-радёшенек*). Такой тип редупликации, по словам А. Исраэли, имеет усилительное значение [Исраэли 1996: 85];

- закреплённые повторы (фразеологические единицы): *бок о бок, от зари до зари*;
- рифмующиеся повторы: *жив-здоров, туда-сюда, фокус-покус*.

Надо заметить, что в данной классификации отсутствует группа, в которую можно было бы поместить лексическое клонирование – в частности, гораздо более распространённое в русском языке, чем клонирование

существительных, явление редупликации прилагательных (*маленький-маленький*) и наречий (*близко-близко*).

Упомянутый тип редупликации подробно исследован Ольгой Юрьевной Крючковой в статье, посвящённой лингвистической трактовке лексического повтора в русском языке [Крючкова 2004].

Рассматривая проблему отнесения подобных удвоенных образований к единицам лексики или синтаксиса, О. Ю. Крючкова рассматривает возможность выделения континуума различных образований такого типа, покрывающий множество вариантов степени синтаксической самостоятельности элементов, со словоформами, образованными путём удвоения слова, на одном конце континуума, и отдельными лексическими единицами на другом конце.

Так, О. Ю. Крючкова выделяет три зоны «качественно разных удвоений», которые вместе могут образовать некий континуум:

фонетико-морфемные ← словные → синтаксические [Крючкова 2004: 64]

Тот случай, когда ранее самостоятельные слова становятся морфемами, а сами удвоенные единицы приобретают свойства сложных слов, представлен единицами типа *большой-большой*, *крепко-накрепко* и т.д. [Там же]. В частности, О. Ю. Крючкова отмечает, что такие образования «как и все морфологические производные, идиоматичны относительно своего состава»: например, не обладают всеми из значений, возможных для неудвоенного слова [Крючкова 2004: 65].

Рассматривая семантику подобных удвоений, О. Ю. Крючкова выделяет такие их значения, как интенсивность признака (*много-много*, *давным-давно*), неопределенность (*где-где*, *зачем-незачем*, *какой-никакой*), отрицательная оценка (*так-сяк*, *тяп-ляп*, *шалый-валяй*), значение персуазивности (*нет-нет*, *да-да*, *конечно-конечно*), а также использование в качестве средства языковой игры (*шараш-монтаж*, *танцы-рванцы*) [Там же: 69].

Разнообразие значений, которые могут передавать редуплицированные формы в языках мира, возвращает О. Ю. Крючкову к вопросу о функциональном статусе подобных единиц в русском языке. При этом, уделяя этой проблеме основное внимание, О. Ю. Крючкова менее подробно разбирает множество возможных значений редуплицированных форм, ограничиваясь их перечислением. Так, упомянутое первым значение интенсивности признака выделяется ею как основное для всех типов лексической редупликации в русском языке: удвоенные формы, по словам автора, «являются носителями регулярного словообразовательного значения, которое в очень обобщенном виде может быть определено как экспрессивно-усилительное» [Крючкова 2004: 66].

Этот вывод не кажется столь очевидным, по крайней мере для случаев удвоения глаголов несовершенного вида (*ходишь-ходишь*, *нёс-нёс*), при котором, по мнению О. Ю. Крючковой, реализуется то же значение интенсивности [Там же: 70]. На мой взгляд, в таких случаях есть большее основание говорить о реализации значения длительности, чем интенсивности: при редупликации глагола возникает дополнительное аспектуальное значение протяжённости действия, акцентируется период времени, в который оно продолжалось без завершения:

(23) *Бывало, садились на какой-нибудь автобус, даже не обращая внимания на его маршрут, и ехали-ехали, рассматривая по дороге его древние центральные кварталы.*

Здесь можно снова упомянуть некоторую иконичность в семантике редупликации (см. раздел 3 настоящей главы): удвоенная форма употребляется, когда говорящему важно подчеркнуть физическую длительность описываемого события. При этом, наличие или отсутствие результата не играет значения и на тот момент, в который переносит

слушающего удвоенная форма, является иррелевантным: в зависимости от этого фактора значение единицы не меняется, ср. примеры (24) и (25).

(24) *Я стучал-стучал, но никто так и не открыл.*

(25) *У нас ведь то же самое: бродишь-бродишь, забрел в Дюк или Массачусетс, а там оказался умный профессор, скрестивший биотехнологию с предпринимательством...*

5.2. Редупликация существительных и прилагательных

5.2.1. Существительные

Следует отметить, что в той же статье О. Ю. Крючкова упоминает и редупликацию существительных, а именно те случаи, когда она несёт значение, схожее с обычным удвоением прилагательных – то есть усиления признака [Крючкова 2004: 71], и в ходе обсуждения приводит пример из русской литературы:

(26) *Танеев либерал-либерал, а с Феоктистовым не разольешь.*

(Салтыков-Щедрин) [Крючкова 2004: 71]

Этот пример интересен тем, что представляет собой очень ранний случай употребления лексического клонирования существительного, который можно найти для русского языка. Таким образом, появление этого явления в некотором виде можно отнести, как минимум, к середине XIX века. Кроме того, данный пример позволяет предположить, что использование подобных форм в то время не воспринималось как черта, характеризующая исключительно неформальный язык.

Тем не менее, автор обращает внимание на общую нехарактерность полной редупликации имён существительных для русского языка [Крючкова 2004: 73], ссылаясь на работу Л. А. Голды и Т. В. Матвеевой, а также на статью З. А. Пахолок [Голда, Матвеева 1986; Пахолок 1996: 187]. О нехарактерности полной редупликации для синтетического строя русского языка по сравнению с анализмом в английском также писала А. М. Зарипова [Зарипова 2008; цит. по: Арсентьева, Валиуллина 2013].

Внутри редупликации со значением усиления О. Ю Крючкова выделяет компонент достоверности: «Я говорю это еще раз, потому что я хочу, чтобы ты знал, что это правда» [Крючкова 2004: 75]. Здесь О. Ю. Крючкова проводит параллель с французским, ссылаясь на Н. М. Штейнберг, которая выделяла функцию достоверности у удвоенных прилагательных и существительных во французском языке, где удвоение равноценно эпитетам «настоящий» или «подлинный» [Штейнберг 1969: 32; цит. по: Крючкова 2004: 75].

5.2.2. Прилагательные

Редупликации прилагательных в русском языке, а точнее терминов обозначения цвета, посвящена статья Валентины Юрьевны Апресян [Apresjan 2018].

Сначала В. Ю. Апресян замечает, что значение редупликации с использованием дефиса отличается как просодически, так и семантически от значения конструкции, в которой слово повторяется через запятую [Apresjan 2018: 653]. Значение такой редупликации формулируется как «высокая степень»⁹, с чем связывается особенность её функционирования с прилагательными, обозначающими цвет, а именно преимущественное использование базовых цветов, согласно классификации Б. Берлина и П. Кея

⁹ Интересно замечание В. Ю. Апресян, что при редупликации цветообозначений стандартное значение интенсивности сопровождается элементом значения, связанным с эстетической и/или эмоциональной оценкой объекта, причём второй компонент представляет собой речевую имплекатуру и обусловлен культурными ожиданиями и нормами [Apresjan 2018: 664-5].

[Berlin, Kay 1969], как «наиболее градируемых из цветообозначений» [Apresjan 2018: 654].

Определяя понятие синтаксической редупликации, к которой относится рассматриваемое в статье явление, В. Ю. Апресян вслед за Алиной Исраэли [Israeli 1997: 588] отталкивается от просодического единства конструкции, называя вторичным способ её записи, будь то написание через пробел, дефис или запятую [Apresjan 2018: 656]. Как основное значение этой конструкции, как уже было сказано, выделяется значение высокой степени. При этом В. Ю. Апресян проводит дальнейшую классификацию в зависимости от части речи, поддающейся удвоению.

Так, рассматривая редупликацию существительных, она выделяет значение указания на большое количество (27), использование в качестве вокатива для привлечения большего внимания (28) и обозначение самого прототипического члена некоторого класса (29) [Apresjan 2018: 656]. Последнее, как можно заметить, совпадает с одним из значений, установленных для конструкций с лексическими клонами в английском языке (см. раздел 3 настоящей главы).

(27) *Сорняки-сорняки повсюду.*¹⁰

(28) *Девочка-девочка, как тебя зовут?*

(29) *Она такая девочка-девочка.*

Для редуплицированных глаголов В. Ю. Апресян фиксирует значение длительности (30), а также – в императиве – настойчивого побуждения (31). С частицами – усиление собственного значения частицы (32) или приобретение нового значения через лексикализацию удвоенной единицы (33), и, наконец,

¹⁰ Примеры из [Apresjan 2018: 656].

редупликация градируемых наречий схожа с редупликацией качественных прилагательных – приобретается значение высокой степени признака (*тихо-тихо*).

(30) *Думал-думал, но ничего не придумал.*

(31) *Работай-работай.*

(32) *Нет-нет; конечно-конечно.*

(33) *Мы только-только успели на поезд.*

5.3. Лексическое клонирование в русском языке: семантический аспект

Лексические клоны почти не изучались на материале русского языка. Помимо эпизодических упоминаний возможности полного удвоения существительных в статьях, посвящённых другим типам редупликации, существует только исследование Ксении Алексеевны Гиляровой [Гилярова 2010], рассматривающее семантику данной конструкции, и заметка Ирины Борисовны Левонтиной, вдохновлённая выступлением К. А. Гиляровой на конференции «Диалог» [Левонтина 2010].

К. А. Гилярова исследовала семантический аспект лексического клонирования, проведя анализ корпуса примеров, содержащих удвоенные существительные. Он составлялся на базе поиска в Национальном корпусе русского языка, а также поиска примеров с конкретными редуплицированными существительными в системе Яндекс [Гилярова 2010: 91]. Как и для многих исследователей (см. раздел 1.1), для К. А. Гиляровой признаком, определяющим синтаксическую редупликацию, является просодическая целостность.

Согласно данным К. А. Гиляровой, лексические клоны чаще всего выступают в предикативной функции, а также могут являться составной частью таких конструкций со значением противопоставления, как «*не X-X, а X*» или «*не X, а X-X*».

В статье выделяется семь различных значений конструкции с лексическими клонами¹¹:

- Прототип.

$X-X$ = ‘прототипический, обладающий характерными признаками X -а X ’ (34)

- Коннотация.

$X-X$ = ‘ Y , обладающий некоторыми прототипическими свойствами X -а’ (35)

- Точность.

$X-X$ = ‘точно X , в буквальном смысле X , именно X и ничто другое’ (36)

- Интенсивность.

$X-X$ = ‘высокая степень X -а’ [как у прилагательных] (37)

- Положительная оценка.

$X-X$ = ‘хороший X ’ ‘стоящий X ’ ‘красивый X ’ (38)

- Разрешение многозначности.

$X-X$ = ‘ X в определенном значении’ (39)

- Детерминатив.

$X-X$ = ‘определенный X ’ (40)

(34) *У вас прямо свадьба-свадьба* была, или вы ограничились регистрацией и узким семейным кругом?

(35) Я бы покрасила и поцарапала потом. Чтобы была такая деревня-деревня, французский антик.

(36) Ну, не прям школа-школа — пока только по три урока по субботам.

¹¹ Примеры из [Гилярова 2010: 92-95].

- (37) *За окном такой дождь, прямо дождь-дождь!* (=‘сильный дождь’)
- (38) *Ой, ну уж прямо изображая жертву прямо фильм-фильм.* (в ответ на внесение фильма «Изображая жертву» в топ лучших фильмов)
- (39) *Чем, по-вашему, отличается парень-друг от парня-парня? Я уже перестала понимать, что к чему. Особено сложно это разбирать в самом начале отношений.*
- (40) *Вот я с Сашами (на фотографии) — Ну и который из них Саша-Саша? (то есть ‘тот самый Саша’, ‘Саша, о котором шла речь раньше, или с которым у говорящего особые отношения’).*

И. Б. Левонтина, говоря о лексических клонах, упоминает содержательность тавтологии в принципе, как явления, которое «выявляет в слове, которое в неё попадает, какие-то очень важные элементы смыла и коннотации, которые, по всей вероятности, не попадают в словари, но закреплены за словом в языке» [Левонтина 2010].

Это может относиться к значению прототипа – поскольку референция происходит по некоторому признаку, выводимому в качестве основного не из непосредственного значения слова, а из всего объёма знаний, имеющихся у говорящего и слушающего о данном понятии. Также это применимо и к значению коннотации, где по тому же принципу происходит выделение прототипических свойств X-а, релевантных для говорящего.

Замечалось также, что, хотя употребление лексического клона менее точно и конкретно, чем, например, использование определения (*осень-осень* vs. *поздняя / дождливая / холодная осень*), такое употребление является более изобретательным, менее «скучным» [Пальвелева 2013; цит. по: Саньярова 2018a]. Это связывает явление лексического клонирования с творческой стороной языка, с конструированием форм вместо повторения устоявшихся сочетаний.

II. Лексическое клонирование в разговорном языке и языке интернета

1. Методология

1.1. Ход исследования

Практическое изучение лексических клонов в данной работе было построено следующим образом:

В первую очередь были отобраны источники материала для исследования. Затем был произведён поиск форм, содержащих редуплицированные слова, после чего производился анализ их структурных и семантических характеристик. В частности, была проведена классификация лексических клонов по типу значения, которое выражается в каждом конкретном случае их употребления. Были изучены особенности функционирования конструкций с лексическими клонами в русском языке, а также единицы, которые способны заполнять слоты подобных конструкций. После этого в работе обсуждаются контексты появления лексических клонов и их связь с выбором конкретного способа трактовки редуплицированной формы. Наконец, анализируются сходства лексических клонов с другими конструкциями, содержащими повторы единиц.

1.2. Сбор корпуса примеров

1.2.1. Материал исследования¹²

Для составления корпуса примеров, анализируемых в работе, было использовано три источника:

- Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), содержащий более 600 миллионов словоупотреблений.

¹² Автор выражает признательность О.В. Блиновой за советы и ценные комментарии по поводу формулировки поисковых запросов.

- Корпус ruTenTen в системе Sketch Engine, представляющий собой коллекцию текстов, собранных в интернете, и содержащий более 18 миллиардов словоупотреблений.

Данный корпус создан автоматически при помощи специальной поисковой программы-робота, которая обеспечивает качество скачанного из интернета материала за счёт удаления страниц с техническими данными, текстов, дублирующих уже находящиеся в корпусе, и т.д. [Хохлова 2016: 75].

- Наконец, материал был дополнен примерами, отражающими употребление лексических клонов в неформальной устной речи, фиксируемыми мной на протяжении нескольких месяцев в 2018-2019 гг.

Таким образом, исследование основано на таких типах дискурса, как интернет-общение (ruTenTen и НКРЯ), имитация разговорной речи в художественных и публицистических произведениях (НКРЯ) и спонтанная устная коммуникация. Общий объём корпуса составил 415 примеров¹³.

1.2.2. Поиск в корпусах

Основное внимание при поиске уделялось редуплицированным существительным: поиск таких форм в принципе сложнее, поскольку их удвоение не распространено в русском языке так широко, как удвоение прилагательных, наречий или глаголов, которым посвящено множество исследований. Вследствие этого первостепенной задачей было собрать, по возможности, наиболее разнообразное множество примеров удвоения существительных, и запросы в обоих корпусах формулировались исходя именно из этой задачи. Случай клонирования других частей речи, с более устоявшимися и описанными значениями, собирались по ходу поиска лексической редупликации с существительными. В обоих корпусах поиск выполнялся отдельно для каждой буквы.

¹³ Поскольку по результатам работы в настоящее время готовится публикация, собранный корпус примеров не выложен в открытый доступ (но может быть предоставлен по запросу).

Поиск в корпусе ruTenTen производился в разделе конкорданса при помощи регулярных выражений и языка CQL (Corpus Query Language), который используется в системе Sketch Engine для нахождения сложных грамматических и лексических структур, а также для поиска по критериям, которые невозможно задать при использовании стандартного поискового интерфейса.

В качестве первого шага был сформулирован запрос, который выглядел следующим образом (здесь приведён запрос для слов, начинающихся с буквы *A*):

```
[lemma = "(a.*(\-)a.*)" & tag="Nc.*"]
```

Результат поиска выдавал все случаи, встречающиеся в корпусе, когда рядом стоят два нарицательных существительных, начинающихся с одной и той же буквы и разделённых дефисом. После первичного сужения множества вариантов необходимо было отсеять все не совпадающие друг с другом формы: в запросе с использованием CQL не было возможности это учесть, так как повторение через дефис в поисковой системе Sketch Engine считается одной леммой и невозможно задать совпадение последовательностей символов внутри неё. Итак, для разрешения этой проблемы, чтобы оставить из всех примеров только те, где форма первого слова полностью совпадает с формой второго, была использована программа на языке Python¹⁴. Она работала с набором данных в формате Excel: результат поиска по каждой букве скачивался в отдельный файл (таблица содержала первые 10000 совпадений), после чего программа выбирала такие строки таблицы, в которых дефис разделял слово на идентичные отрезки, при условии, что повторений последовательности было ровно два. В результате было получено множество примеров, более удовлетворяющих задаче поиска лексических клонов, чем

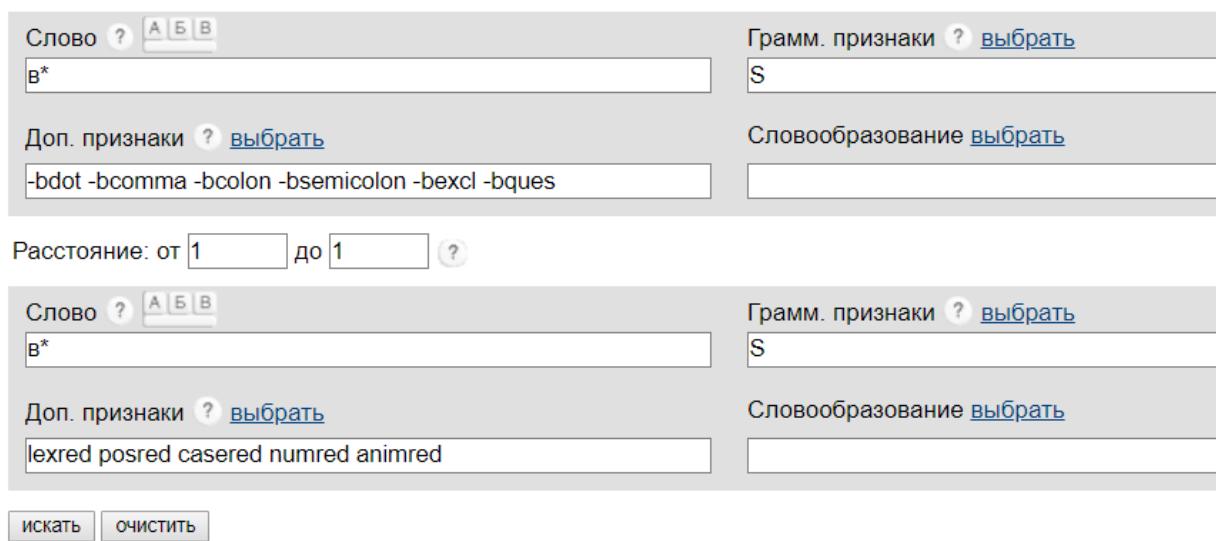
¹⁴ Автор благодарит Анну Крюкову за помощь с технической стороной вопроса.

начальное; далее оно было просмотрено и обработано вручную, чтобы исключить оставшиеся неподходящие результаты.

НКРЯ

В Национальном корпусе русского языка запрос вводился в разделе лексико-грамматического поиска (см. Рис. 1.). Во-первых, задавалось совпадение начальной буквы обоих слов и их принадлежность к существительным, а также их непосредственное следование друг за другом. Во-вторых, в дополнительных признаках указывалось отсутствие знаков препинания после первого слова, а именно точки, запятой, двоеточия, точки с запятой, восклицательного и вопросительного знака. Такое ограничение задавалось с целью исключить из множества результатов случаи обычного лексического повтора через запятую, а также случайное совпадение слов на границе предложений или их частей. Наконец, дополнительные признаки, характеризующие второе слово, отвечали за идентичность формы второго слова форме первого и представляли собой требование совпадения лексемы, части речи, падежа, числа и значения категории одушевлённости-неодушевлённости.

Лексико-грамматический поиск

Слово

Грамм. признаки [выбрать](#)

Доп. признаки [выбрать](#)

Словообразование [выбрать](#)

Расстояние: от до

Слово

Грамм. признаки [выбрать](#)

Доп. признаки [выбрать](#)

Словообразование [выбрать](#)

Рис. 1. Запрос в НКРЯ

На следующем этапе результаты также были обработаны вручную, неподходящие вхождения были отсеяны, после чего к примерам из обоих корпусов были добавлены случаи употребления лексических клонов в устной речи, и корпус примеров был готов к работе.

Если не указано иное, все присутствующие в работе примеры взяты из корпуса. Орфография и пунктуация авторов сохранены (за исключением примеров, собранных в процессе устной коммуникации – они записаны с использованием стандартных правил пунктуации и орфографии). В тексте работы приводятся те примеры, которые более всего подходят для иллюстрации описываемого явления / представляют особый интерес для обсуждения.

2. Формальные свойства конструкций с лексическими клонами в русском языке

Обращаясь к формальным свойствам конструкций с лексическими клонами в русском языке, мы опирались на их описанные в литературе характеристики для английского языка, а именно: (а) просодическую целостность произнесения конструкции; (б) контрастивное выделение первого элемента конструкции; (в) тождество (полное или за исключением флексии) элементов конструкции; (г) использование слов различных частей речи, идиоматических или продуктивных словосочетаний в качестве элементов конструкции.

Чтобы проанализировать, насколько явление лексического клонирования в русском языке совпадает с контрастивной фокусной редупликацией, наблюданной в английском, и в чём состоят его особенности, были рассмотрены свойства, которые характеризуют данное явление в англоязычном материале, и затем они были сопоставлены с тем, что зафиксировано в русскоязычном корпусе примеров.

2.1. Графическое отображение просодической целостности произнесения конструкции

Произнесение без паузы, просодическое единство лексических клонов считается определяющим свойством изучаемого явления, на чём сходятся все исследователи, говорящие о подобном типе редупликации (включая А. Исраэли, К. А. Гилярову и В. Ю. Апресян). Так, В. Ю. Апресян пишет, что наиболее значимой является именно интонационная целостность конструкции с редуплицированными прилагательными [Apresjan 2018: 656]. Та же позиция прослеживается в статье К. А. Гиляровой, где акцентируется внимание на разграничении исследуемого явления и обычного повтора лексической единицы за счёт особенности произнесения клонов; там же упоминается, что в письменных текстах редуплицированные формы могут обозначаться через

дефис или пробел [Гилярова 2010: 91]. Поскольку в данной работе анализировались в основном письменные тексты, были рассмотрены указанные графические способы выражения просодической целостности.

В письменной части корпуса примеров на материале русского языка были найдены как случаи написания через пробел, см., например, (41) так и через дефис, см. (42). Кроме того, встретилось несколько примеров, где единство произнесения конструкций с лексическими клонами, по-видимому, оказало прямое влияние на их написание, из-за чего лексические клоны отображены слитно, как в (43).

(41) *Освобожденная душа летит в облаке. Облако — ее самолет, облако — грусть, или, как они теперь говорят, грусть грусть.*

(42) *Ещё в юности, студентом-студентом, будучи в Италии, я наткнулся глазами на афишу "опера — "Федора"— иль протагонисто Филиппо Арджи".*

(43) *На самом деле я жуть как стесняюсь себя как девочкадевочка которая любит платья макияж и милые сделай сам видео.*

Таким образом, в собранном корпусе русскоязычных примеров присутствуют как способы графического отображения просодической целостности, отмеченные в литературе, так и способ, не указанный ранее, что является (косвенным) подтверждением релевантности данной характеристики для конструкций с лексическими клонами в русском языке.

2.2. Контрастивное выделение одного из элементов

Следующая характеристика, отмеченная для конструкции в английском языке, — это наличие контрастивного фокуса, создающегося за счёт интонационного выделения первого элемента конструкции, о котором говорят

все исследователи, отождествляющие лексическое клонирование и контрастивную фокусную редупликацию, см. [Ghomeshi et al. 2004; Whitton 2006; Lee 2007; Song & Lee 2011]:

- (44) *They are rich, of course; obscenely rich by the world's standards; but not **RICH-rich**, not New York City rich.* [Ghomeshi et al. 2004: 312]

Как оказалось, этот критерий позволяет говорить о значимом различии явления лексического клонирования в русском и английском языках, поскольку в русском языке более выделенным в подавляющем большинстве случаев является второй элемент конструкции, как в (45).

- (45) *Он был умный человек и считал, что все наши состояния являются смешанными, в том числе и любовь, которая содержит в себе любовь-любовь и любовь-желание.*

Именно второй элемент в таких случаях является модификатором, за счёт которого происходит семантическое противопоставление. Он несёт основной смысл и может изменяться для подчёркивания контраста: в примере (45) внутри понятия любви выделяются два её типа, на что указывает именно второй элемент (ср. английский пример (44), где, наоборот, изменяется первый элемент как несущий большую смысловую значимость для говорящего).

Тем не менее, нет оснований говорить о полном отсутствии в русском языке контрастивной фокусной редупликации в понимании упомянутых исследователей: в четырёх примерах из всего корпуса основное ударение лежит на первом из удвоенных слов, см., например, (46).

(46) *Стало быть, старое новое, как и новое новое, когда-то «дерзновенно» вырвалось на свет, не заручившись разрешением разума и держателей разума, людей. Как с ним быть, с этим прежде появившимся новым? Если признать старое новое, нужно будет признать и новое новое?*

Похожий пример, предложенный Асей Перельцвайг, упоминается в [Ghomeshi et al. 2004]:

(47) *Он желтый-желтый, а не лимонно-желтый.*

[Ghomeshi et al. 2004: 318]

Она замечает, что в этом предложении ударение в обоих определениях падает на первый элемент с целью создания контраста [Ghomeshi et al. 2004: 318-19]. То же самое справедливо и для примера (46). Соответственно, о контрастивной фокусной редупликации с выделением первого элемента можно говорить и в русском языке, просто в иных масштабах, чем в английском.

Отмечу, что во всех примерах данного типа в русском языке в качестве повторяющихся элементов выступают прилагательные¹⁵, а также присутствует эксплицитно выраженное противопоставление в форме, структурно повторяющей лексический клон (X-X vs. Y-X), как, например, в (46) и (47). С другими частями речи тот же эффект создаётся с более характерным для русского языка выделением второго элемента, ср. (48).

¹⁵ Возможно, такая особенность лексических клонов с прилагательными обусловлена тем, что редупликация прилагательных с ударением на втором слове является очень продуктивной моделью с устоявшимся значением интенсивности признака, следовательно, выделение первого элемента происходит для того, чтобы избежать неоднозначности.

(48) *И дети наши уже живут в мире, где зверей-игрушек в тысячи раз больше, чем зверей-зверей.*

Говоря о границах явления лексического клонирования в русском языке, важно отметить отсутствие непосредственной связи синтаксической редупликации и фокуса, отмечаемое для английского языка Лоуренсом Хорном: [Horn 2018], что уже обсуждалось в первой главе в разделе 1.3.

Контрастивный фокус в английском языке реализуется тогда, когда происходит выбор одного из ряда доступных и релевантных в дискурсе вариантов. В то же время, существуют лексические клоны, которые не отсылают к такому множеству возможных значений, и редупликация XX не противопоставляется эксплицитно образованию типа YX [Horn 2018: 238]:ср. пример из Хорна, упоминаемый выше под номером (7):

(49) *She was over the legal limits of sobriety, but still functioning; she wasn't '**DRUNK** drunk'.* [Horn 2018: 234]

В русском, однако, в ситуации наличия ряда актуальных вариантов обычно не происходит такой же реализации контрастивного фокуса, как в английском, вне зависимости от противопоставления лексического клона выраженной в контексте коммуникации альтернативе: ср. (50), где при наличии двух вариантов, непосредственно заданных говорящим (*меня-его* и *меня-меня*) интонационный рисунок такой же, как и в (51), где при употреблении клона *весна-весна* не создаётся множество противопоставленных ему значений:

(50) *Как странно все под этим небом! Она любит не меня-его, а меня-меня.*

(51) *Она без всего теперь, без смеха и шалостей, без острых вскриков счастья, без воздуха весны-весны, без юности навеки.*

Итак, можно заключить, что лексическое клонирование в русском языке включает как случаи реализации контрастивного фокуса, так и множество примеров, не связанных с ним. Это позволяет включать в границы данного явления, среди прочего, редупликацию прилагательных со значением усиления: оно вполне соответствует указанным признакам лексического клонирования.

2.3. Ограничения на заполнение элементов конструкции

Согласно Дж. Гомеши, в конструкциях с контрастивной фокусной редупликацией могут употребляться как собственно слова, так и языковые единицы меньше или больше слова [Ghomeshi et al. 2004], см. копирование, при котором первый из элементов теряет флексию, как в примере (52).

(52) . . . and here are the **GLOVE**–gloves. [Ghomeshi et al. 2004: 321]

При этом происходит редупликация основы, а сегменты, несущие грамматическую функцию, сохраняются только при втором элементе. Что касается полного / неполного совпадения форм клонированного слова в русском языке, по-видимому, в данном виде редупликации допускается только полная их идентичность; в других случаях можно говорить о прочих типах удвоения.

Так, неполная редупликация – то есть, если следовать классификации Е. Ф. Арсентьевой и Р. Б. Валиуллиной, дивергентная (с изменением звукового состава слова: *тик-так*, *шуры-муры*) и осложнённая (с дополнительным использованием аффикса или с усечением основы: *перво-наперво*, *баю-бай*) будет иметь другой синтаксический статус и другое множество значений, отличное от значений полной редупликации [Арсентьева, Валиуллина 2013: 13], поэтому не может считаться лексическим клонированием, в отличие от английского примера (52).

Далее, в английском редуплицироваться могут последовательности длиннее, чем слово, а именно сочетания глагола с его энклитиками (чаще всего с прямым дополнением, как в (53)), а также идиоматичные выражения, см. (54).

(53) *I don't LIKE-HIM-like-him.*

(54) *OUT-OF-HER-MIND-out-of-her-mind.* [Ghomeshi et al. 2004: 321]

В собранном мной корпусе не было примеров, перекликающихся с упомянутыми выше, но встретились предложения, где редуплицируется просодически целостная единица, состоящая из предлога и существительного или предлога и личного местоимения:

(55) *По первому ты сама написать можешь, это про тебя-про тебя.*

(56) – *Ой, там кстати был Андрей, он разговаривал с девушкой.*

– *Прям с девушкой с девушкой? Я не знал, что он с кем-то встречается.*

– *Да нет, по-моему, это просто его знакомая.*

Соответственно, в русском данное явление так же, как и в английском, может включать в себя редупликацию единиц больших, чем слово, хоть и при отличных условиях.

Обращаясь к частеречной принадлежности элементов, заполняющих структуры с лексическими клонами, отметим, что в русском языке возможно клонирование следующих частей речи:

- Существительные:

(57) *Старайтесь не опаздывать, в 19-15 уже **прям начало-начало**.*

- Местоимения:

(58) *Мадина — девочка, к которой мы привязаны. Это **наша девочка.**
Такая **наша-наша.***

- Прилагательные: качественные (59) и относительные (60):

(59) *Вот вылезла она из погреба **бледная-бледная**, рассказала все шепотом одной подружке, та другой, а эта третьей, и все перепуганные, стали собираться домой.*

(60) *Воспоминания у меня оттуда **студенческие-студенческие**.*

- Наречия:

(61) *Побродив по унылому городу, Люба вышла на берег моря. Было **жарко-жарко!***

- Глаголы:

(62) *Он говорил, что работает в её компании. Я, правда, не поняла, он работает-работает или просто помогает.*

- Числительные:

(63) – *Я не знал, что выбрать – там было сорок разных видов бумаги.*
– *Прямо сорок сорок?* Да ладно, не преувеличивай.

В существующих описаниях редупликации прилагательных в русском языке отмечается, что она естественна для качественных прилагательных и невозможна для относительных [Крючкова 2004: 70; Apresjan 2018: 661]. Тем не менее, согласно примерам из нашего корпуса, удвоение относительных прилагательных возможно и встречается не так редко, см. (64)-(66).

(64) *Купила на блошином рынке в Париже чудные обои 60-х годов. Такие настоящие-настоящие — розово-оранжевые, в разводах.*

(65) *Вчера вот такой девочковый-девочковый букет получился из фестончатой кустовой розы, ранункулюсов, молочных гвоздик и генисты, то есть дрока.*

(66) *А страна у нас вся такая электронная-электронная, в общем одели Эдику на ногу браслет магический, чтоб его со спутника было видно — вон оно как.*

Кроме того, удваиваться может часть сложного прилагательного, как в (67), где благодаря редупликации значение, которое хочет передать говорящий, становится понятным даже без основной смысловой части слова.

(67) *Согласна, что женщина надо частенько и промолчать, а реализовываться в самых разных сферах. А то уж, действительно, уж очень мы гипер-гипер, что не то что, всех пауков, всех мужчин раздавим.*

Итак, выступать как редуплицируемые элементы при лексическом клонировании в русском языке могут как слова, так и единицы больше слова, объединённые одним ударением. Кроме того, становиться элементами конструкции могут слова всех знаменательных частей речи: существительных, глаголов, прилагательных, наречий, местоимений и числительных.

2.4. Синтаксические функции и контексты

Согласно данным К. А. Гиляровой, лексические клоны с существительными в русском языке чаще всего выступают в предикативной функции [Гилярова 2010], см. (68), (70), однако возможно также их употребление в качестве подлежащего: (69), (74) и дополнения: (71), (73).

Также Гилярова отмечает, что лексические клоны становятся частями таких конструкций, как противопоставительные «*не X-X, а Y*» (71), «*не X, а X-X*» (72) [Гилярова 2010], и «*не XY, а XX*» (73), выступают в перечислениях вида «*YX и/или XX*» (74), сопровождаются усилителями: «*Такой X-X*», «*Прям(o) X-X*», «*Совсем X-X*» (примеры (68)-(70)).

(68) *Каин - это такой журналист-журналист.*

(69) *У вас прям любовь-любовь была?*

(70) *В кино Андрей Сергеевич совсем не такой, как в театре, потому что там он совсем уже мэтр-мэтр.¹⁶*

¹⁶ Пример из [Гилярова 2010: 90].

(71) *Правда, не шампанским шампанским, а «Советским», но тоже хлопающим пробкой, пенистым и играющим пузырьками.*

(72) *Этот торт не просто шоколадный, а шоколадный-шоколадный!*

(73) *Она любит не меня-его, а меня-меня.*

(74) *Дом-дом или дом-театр в этом отношении был равно беззащитен.*

Получается, что лексические клоны практически не ограничены по синтаксической функции, которую могут выполнять в предложении, а также могут выступать в качестве элементов широкого ряда конструкций, что свидетельствует о том, что они прочно вошли в язык и употребляются говорящими с большой свободой.

3. Интерпретация конструкций с лексическими клонами в русском языке

3.1. Общие замечания

Перед тем как перейти непосредственно к классификации значений лексических клонов, разработанной на материале корпуса примеров, напомним ключевые наблюдения об их значении из литературы, рассмотренные в первой главе.

Во-первых, семантический эффект лексического клонирования определяется Джилой Гомеши как сужение количества подходящих референтов лексической единицы [Ghomeshi et al. 2004]. Таким образом, использование конструкций с лексическими клонами позволяет конкретизировать значение языкового выражения и облегчает слушателю процесс восприятия высказывания.

Во-вторых, согласно исследованию Л. Кеевалик, лексические клоны выполняют определённые социальные функции: например, в эстонском это насмешка, подкрепление ответов, побуждение и подтверждение (см. раздел 4 первой главы настоящей работы и [Keevallik 2010]).

Наконец, важно, что для правильного понимания значения лексических клонов в большинстве случаев необходимым является наличие контекста, о чём пишет Лаура Уиттон [Whitton 2006]. Например, под лексическим клоном *женщина-женщина* будет пониматься разное содержание в примерах (75)-(78). В примерах (75)-(76) реализуется прототипическое значение, однако сущность прототипа (или его черты, значимые для говорящего) задаются непосредственным контекстом. Конкретное значение редупликации в примерах (77) и (78) выводится из эксплицитного противопоставления, в которое включается данный элемент и которое ограничивает смысл лексического клона.

(75) *Она такая классическая женщина-женщина: хочет только выйти замуж и родить детей.*

(76) *Я хотела бы быть такой женщина-женщиной! Такой томной, загадочной, коротко стриженой, обязательно бледной-бледной и губы красить вишневой помадой, чтоб выделялись пунцово, чтобы словно мазок крови.*

(77) *Есть на сцене женщины-женщины и есть женщины-мужчины.*

(78) *Как мужчина превращает женщину-друга в женщину-женщину?!*

Обладая общими представлениями о семантике лексических клонов и уделяя внимание при их интерпретации контексту, перейдём к более детальной классификации значений, которые встречаются при употреблении редуплицированных форм.

3.2. Классификация значений конструкций с лексическими клонами¹⁷

Как было замечено в первой главе, авторы, занимающиеся значением лексических клонов, чаще всего опираются на классификацию Лоуренса Хорна, который выделил четыре типа их значения: прототипическое, буквальное, усиленное и добавочное [Horn 2008].

Для русского языка существует классификация, разработанная К. А. Гиляровой для лексических клонов с именами существительными [Гилярова 2010: 93] (значения были рассмотрены в разделе 3 первой главы). Отмечу, что, ориентируясь именно на неё, я, тем не менее, не полностью следую выделенным К. А. Гиляровой значениям.

¹⁷ Идеи, изложенные в данном разделе, обсуждались на Третьей студенческой конференции филологов и лингвистов НИУ ВШЭ СПб. Автор выражает благодарность всем присутствующим за их комментарии и предложения.

В ходе работы с опорой на корпус примеров было определено множество значений лексических клонов, которые встречаются в русском языке. Количество примеров на каждое выделяемое на материале корпуса значение было не менее десяти. В целом все значения, реализуемые в собранных примерах, можно разделить на два класса: те, которые представляют собой инструкции к пониманию слова (интерпретация), и те, которые отсылают к внеязыковому свойству референта (дескрипция) (см. [Umbach 2016], где автор разграничивает эти два типа интерпретации для оценочных суждений).

В итоге, составленная классификация выглядит следующим образом:

1. Указание на способ интерпретации значения (редуплицируемого) языкового выражения

1.1. Точность / Буквальное значение

1.2. Разрешение многозначности

1.3. Детерминатив

1.4. Обращение

1.5. Уступка

1.6. Передача непрямой речи

2. Характеристика описываемой внеязыковой сущности (объекта или ситуации)

2.1. Интенсивность проявления свойства

- Высокая степень проявления свойства
- Максимальная степень
- Усиление

2.2. Длительность / Множественность

2.3. Прототип

В следующих разделах 3.3 и 3.4 подробно рассмотрено каждое из значений.

3.3. Указание на способ интерпретации значения (редуплицируемого) языкового выражения

3.3.1. Точность / Буквальное значение

Иногда удвоение лексемы «отсылает к ее основному значению, подчеркивает, что слово употреблено в буквальном смысле» [Гилярова 2010: 93]. В таких случаях можно говорить о передаче значения точности: ‘точно X, в буквальном смысле X, именно X и ничто другое’ [Там же].

(79) *И дети наши уже живут в мире, где зверей-игрушек в тысячи раз большие, чем зверей-зверей.*

(80) *Не считая обыденных гостиниц-гостиниц, есть и остальные виды постоялых домов.*

(81) *Куда же без тела? Даже те, кто умер-умер, оживут в свои собственные, отреставрированные тела.*

Анна Вежбицкая писала о том, что говорящий при употреблении формы X-X «привлекает внимание к этому слову и настаивает на его строгом соответствии требованиям истины. ‘Я имею в виду X, а не что-то немногое, чем X’» [Вежбицкая 1999: 236]. Такой компонент значения можно проследить во всех примерах употребления удвоенной формы со значением точности.

По замечанию К. А. Гиляровой, в подобных примерах «повтор подчёркивает значение одинарного употребления, а не изменяет его» [Гилярова 2010: 94]. Действительно, во многих случаях предложение без редупликации будет иметь тот же смысл, что и предложение с удвоенной формой, ср. (80) и (82):

(82) *Не считая обыденных гостиниц, есть и остальные виды постоянных домов.*

Пример (82) понимается точно так же, как и (80). Исключением являются те предложения, где присутствует выраженное противопоставление клона X-X образованию типа X-Y, как в (79). Тогда предложение без редупликации становится неграмматичным, а клон выделяет некоторый центральный подкласс в классе всего, что можно назвать X: то есть здесь тоже реализуется значение точности, ‘X в узком смысле’.

К этому же типу интерпретации лексических клонов относятся редкие примеры контрастивного фокуса с интонационным выделением на первом элементе, как в английском, обсуждаемые в разделе 2.2 данной главы (примеры (46)-(47), повторённые здесь как (83)-(84)):

(83) *Стало быть, старое новое, как и новое новое, когда-то «дерзновенно» вырвалось на свет, не заручившись разрешением разума и держателей разума, людей. Как с ним быть, с этим прежде появившимся новым? Если признать старое новое, нужно будет признать и новое новое?*

(84) *Он желтый-желтый, а не лимонно-желтый.* [Ghomeshi et al. 2004: 318]

3.3.2. Разрешение многозначности

Этот тип значения был зафиксирован только для существительных. Такое употребление выбирает определённое значение слова из нескольких равнозначных в данном контексте, см. (85)-(86). Так, в диалоге (85) (уже приводимом под номером (56)) возникает неоднозначность за счёт использования слова *девушка*, которое может обозначать как молодую

женщину в принципе, так и её роль в романтических отношениях с другим человеком. Второй говорящий разрешает эту многозначность, используя лексический клон, очевидно отсылающий ко второму значению. Однако его интерпретация оказывается ошибочной, и его собеседница вынуждена скорректировать её, возвращая к альтернативному значению употреблённого слова.

Пример (85) – из эссе Марины Цветаевой, в котором она рассказывает о художнице-авангардистке Наталье Гончаровой: её творчестве и жизни. В данном примере оказываются противопоставлены две стороны человека, два аспекта, соединяющихся в один образ: личные качества и профессиональная деятельность, здесь – характеристика Натальи Гончаровой как человека и как художника-декоратора в театре. Чтобы чётко их разграничить, в тексте используется лексическое клонирование, помогающее избежать неоднозначности.

(85) – *Ой, там кстати был Андрей, он разговаривал с девушкой.*

– *Прям с девушкой с девушкой? Я не знал, что он с кем-то встречается.*

– *Да нет, по-моему, это просто его знакомая.*

(86) *Приведенное отнюдь не снижает ценности Гончаровой-декоратора и всячески подымает ценность Гончаровой - Гончаровой.*

По словам К. А. Гиляровой, использование редупликации для разрешения многозначности можно считать частным проявлением значения точности. Тем не менее, значение точности – ‘именно X, а не не-X’, в то время как в приведённых выше примерах редупликация реализует ‘именно это значение X из нескольких’ [Гилярова 2010: 95]. Другими словами, разрешение многозначности происходит за счёт выбора из ряда равнозначных возможных

вариантов, а в рамках значения точности может выделяться только одно основное (буквальное) значение.

3.3.3. Детерминатив

Помогая слушающему выбрать один референт из множества возможных, лексический клон сближается иногда по выполняемой функции с определённым артиклем [Гилярова 2010: 95]. Естественно, данное значение может реализоваться только при лексическом клонировании существительных, см. (87)-(88).

(87) – *Ты не поверишь, я сегодня видела Егора.*

– *Ты про Егора-Егора? Я не думала, что он сейчас в городе.*

Дж. Гомеши пишет, что использование редупликации с именами собственными становится возможным, когда участникам коммуникации известно несколько человек с одним именем. В таком случае лексический клон выделяет наиболее значимого или хорошо известного им референта [Ghomeshi 2004: 314].

Ещё два возможных в английском случая употребления удвоения с именами собственными (один, когда возникает неоднозначность между использованием слова в значении имени собственного и имени нарицательного, и другой, когда обычное поведение человека противопоставляется для него не характерному) в русском материале не встречаются.

Само же детерминативное значение проявляется не только с именами собственными: та же функция встречается у удвоения нарицательных существительных, например, в предложении (88), где за счёт редупликации реализуется значение ‘определённый X’, ‘конкретный X’:

(88) *Применяя найденное на просторах инета решение, оставляйте в комментариях не только свои указания а-ля “код для фичи-фичи”, но и ссылку на страницу, откуда вы этот код скопипастили, или хотя бы на источник вдохновения.*

3.3.4. Обращение

Ещё одним значением, встреченным только для существительных, было усиление-привлечение внимания в позиции обращения:

(89) *Петр Манулу на это выдает с прямотой: егерь-егерь, будь другом, займи мне в долг.*

Об этом типе редупликации пишет Л. Л. Федорова, особенно о его употреблении в фольклоре и сказках [Федорова 2005: 197]. При этом она замечает ограниченность применения данной модели. Возможно, такое употребление действительно скорее можно отнести к одной из функций более широкого значения, чем к самостоятельному типу значения, но тот факт, что оно всегда обусловлено стилистически, позволил говорить о нём отдельно.

3.3.5. Уступка

В некоторых случаях лексический клон с существительным в конструкции «*X-X, a...*» может выражать значение уступки, см. (90)-(91). Об этом пишет А. Исраэли, обращая внимание на то, что тогда выражение передаёт значение ‘несмотря на то, что субъект X, ему присущи какие-то не характерные для X-а свойства’ [Israeli 1997: 592].

(90) *Да ведь с такой пожилой женщины и спрашивать нельзя, чтоб она по движущейся мишени с первого выстрела без промаха била, ведьма-ведьма, а все-таки возраст себя дает знать!*

(91) *Смотрите, дурак-дурак, а умный! Фрэнк совершенно ошеломлен. Он не в состоянии произнести ни слова.*

Здесь важно проводить различие с употреблением клона в усилительном значении. Для этого можно сопоставить последний пример со следующим предложением:

(92) *Хотя дурак-дурак, а владелец шести фабрик в Сиэттле, штат Вашингтон.*

В обоих примерах реализуется значение уступки. Однако в первом его несёт непосредственно редуплицированная форма, а во втором оно появляется за счёт уступительного союза *хотя*, в то время как сам клон выражает значение интенсивности (*дурак-дурак* = большой дурак), см. о нём ниже.

3.3.6. Передача непрямой речи

Наконец, среди значений, указывающих на интерпретацию лексических клонов, можно выделить такую функцию редупликации, как передача непрямой речи:

(93) *Нет плохих наций, есть плохие люди. Уж наверно бы бомбили по мирному населению, а вы все америкосы-америкосы, на их месте могли оказаться кто угодно.*

(94) – *Это как же, батюшка-монах?*

– *Ну, как-как...*

(95) *А то все говорят, что вот штаты-штаты, а что там на самом деле – не узнаешь, пока сам не увидишь.*

В приведённых примерах у употребления лексических клонов может присутствовать значение многократности (см. значение 3.4.2 ниже), но к нему всегда прибавляется дополнительный элемент: говорящий как бы дистанцирует себя от того, о чём говорит – подчёркивает, что это чужие слова, которые он лишь повторяет, т.е. конструкция выступает в качестве маркера чужой речи.

Итак, объединяет все обсуждаемые в данном разделе значения то, что в этих случаях употребление лексического клона предоставляет информацию о том, как именно слушателю следует понимать удвоенное слово, т.е. в их значении присутствует некоторый метаязыковой компонент. Им противопоставляются примеры, в которых удвоение, наоборот, служит, чтобы передать что-то непосредственно о тех объектах / ситуациях, которые описывает использованное слово. Эти типы значений рассмотрены в следующем разделе.

3.4. Характеристика описываемой внеязыковой сущности (объекта или ситуации)

3.4.1. Интенсивность проявления свойства

3.4.1.1. Высокая степень проявления свойства

Значение интенсивности, согласно большинству авторов, см. Главу I, передаётся в первую очередь прилагательными и наречиями, однако в наших материалах оно в равной степени характерно и для существительных и глаголов. Внутри этой семантической области можно выделить более конкретные оттенки: высокая степень свойства, высшая степень и усиление.

У К. А. Гиляровой данное значение присутствует как ‘высокая степень Х-а’. Для него в корпусе почти не наблюдалось дополнительных ограничений на части речи, подвергающиеся редупликации: реализации такого значения не было найдено только у удвоения числительного.

(96) *Он не циник. И вовсе не новоявленный Печорин, а всего лишь волшебник-удивляльщик имеющих уши: какая там Страна Глухих! Когда-то, в юности-юности, я начеркала: «Рождённый ползать может не летать, летать рождённый должен как-то ползать»: именно об этом и пишет г-н Мишель, с которым я, при всём к нему уважении, касательно этого вот выпада: [...] не согласна, не согласна, не согласна. (= ‘когда я была очень юной’)*

(97) *Какая фотография! Мне прямо нравится-нравится!*

(98) *Правда, на пути в Вегас днем, останавливаясь в Долине сделать фотки, было не жарко, а жарко-жарко - ходить ногам было горячо.*

Отмечу, что значение клона в (96), теоретически, можно интерпретировать как прототипическое (и сложность в разграничении этих значений действительно возникает, см. раздел 3.4.3 ниже). Тем не менее, в данном случае идёт указание на очень молодой возраст автора, в то время как прототип юности в стандартном понимании подчёркивает иные черты: с ним ассоциируется не столько возраст, сколько определённое поведение, отношение к жизни. При этом в окружении лексического клона (для этого я привела расширенный контекст) не находится намёка на то, что в данном случае реализуется значение прототипа, задаваемого самим говорящим.

Ещё одно замечание касается класса примеров, в который входит (98). Получается, что именно в группу со значением интенсивности включается большинство случаев редупликации качественных прилагательных и наречий

по очень продуктивной в русском языке модели (*синий-синий, далёкий-далёкий, легко-легко*). На распространение такой модели с прилагательных на существительные обращает внимание И. Б. Левонтина: она пишет, что такая интерпретация клонов с существительными является предельно «понятной и предсказуемой» именно за счёт широко распространённой редупликации других частей речи с тем же значением [Левонтина 2010].

3.4.1.2. Максимальная степень

Как подвид значения интенсивности можно выделить, кроме того, более частное значение высшей степени проявления какого-либо качества или свойства, воплощаемого в X:

- (99) *Может возникнуть вопрос: если я не смотрю на Солнце, оно, что, перестает существовать? Да, если никто-никто не будет «смотреть» на Солнце...*
- (100) *Те цифры, которые я называю – это прям минимум-минимум.*
- (101) *Нет, лучшее вообще об этом забыть, навсегда-навсегда, такое вице, слов нет, лучше не знать.*

Здесь можно обратить внимание на корреляцию типа языкового выражения, используемого говорящим, и реализующегося значения, см. наблюдение Л. Хорна:

«В то время как клонирование качественного прилагательного выражает значение интенсивности (*TALL tall, RICH rich*), клонирование относительного прилагательного передаёт высшую степень (*DRY dry, EMPTY empty*) или буквальное значение (*DEAD dead, NAKED naked*)» [Horn 2018: 246].

Похожую взаимосвязь можно наблюдать и в русском, а именно то, что от семантики редуплицируемого слова значительно зависит подходящая в каждом конкретном случае трактовка. Например, обсуждаемое значение

максимальной степени может иметь место только в том случае, если само слово не предполагает градации и выражает некоторое предельное значение.

3.4.1.3. Усиление

Смыкается с интенсивностью также значение усиления, выделяемое изначально для частиц (см., например, [Apresjan 2018: 656] и [Крючкова 2004: 69]). Особенность данного типа значения заключается в том, что часто удвоенное слово представляет собой законченное высказывание или, по крайней мере, оно обособлено внутри предложения. Более того, иногда повторяемый элемент – слово, уже присутствующее в предшествующем контексте, как это происходит, например, в (104).

(102) *Да-да, проходите, конечно!*

(103) *Нет, правда-правда, можете мне не верить... Проверите на практике.*

(104) – *Мёд или клюковку?*

– *Клюковку-клюковку.*

– *И мёд,— заметил, не раскрывая рта, первый.*

(105) – *Ты скоро? Я жду!*

– *Иду-иду!*

Ещё одной чертой, выделяющей усиление среди других значений, является то, что существительные, используемые в подобных контекстах, не могут выступать в предикативной функции (в примере (103) мы имеем дело с частицей). В остальном оно очень сходно с другими подклассами со значением интенсивности.

3.4.2. Длительность/множественность

Лексический клон, кроме того, может обозначать многократное повторение или длительность какого-либо действия (или объекта):

(106) *Море мелкое, идёшь-идёшь – и всё по колено.*

(107) *Впечатления: зимняя дорога, снег, много снега, ёлки-ёлки, опять ёлки и все такие как из сказки...*

(108) *Он, когда с кем говорил, в глаза не глядел, все зырк-зырк по сторонам.*

Данный тип значений является проявлением принципа иконичности. При этом он полностью совпадает со значением (точнее, одним из значений) лексического повтора, ср. (109).

(109) а. *Мне снилось, что за мной гнались: я бежал, бежал, но всё никак не мог оторваться от преследователей.*

б. *Мне снилось, что за мной гнались: я бежал-бежал, но всё никак не мог оторваться от преследователей.*

Получается, что это тот редкий случай, когда наличие или отсутствие паузы между повторяемыми элементами не меняет значение предложения. Единственная тонко уловимая разница между ними и, соответственно, объяснение предпочтения той или иной формы заключается в том, как говорящий воспринимает описываемое событие: как разбиваемое на определённые отрезки (109)а или нечленимое (109)б.

3.4.3. Прототип

Прототипическое значение входит в классификацию К. А. Гиляровой для русского языка, а для английского языка оно выделяется как основное. В исследуемом корпусе оно было зафиксировано только у существительных. К. А. Гилярова называет удвоенное слово в таком случае отсылающим к «прототипическому, обладающему характерными признаками X-а X-у» [Гилярова 2010: 92], см. (110)-(113). В примере (112) обращает на себя внимание порядок слов: в потоке речи лексический клон расщепляется, и между повторениями существительного встаёт глагол. Это не меняет прототипическую трактовку данного примера (можно сравнить с похожим случаем в (113)), но говорит о несколько меньшей связанности элементов внутри структуры с лексическими клонами, по крайней мере, в такой позиции и значении.

(110) *Скажем так, для меня есть два вида фантастической литературы.*

Та, где фантастика-фантастика, и та, где узнаваемые и понятные персонажи сталкиваются с чем-то невероятным.

(111) *Без помощи, а порой, и яростного оппонирования товарищей по кейвингу наши лидеры лидеры бы не стали.*

(112) *Вчера такая весна была весна! +б и солнце!*

(113) *Сейчас -1 и прекрасная солнечная погода. Прямо весна-весна, классическая.*

Говоря о разграничении значений интенсивности и прототипа, К. А. Гилярова отмечает, что прототипичность не всегда проявляется в высокой степени какого-либо свойства: например, под прототипическим дождём вряд ли будет пониматься сильный короткий ливень [Гилярова 2010: 94], так что во многих случаях бывает легко распознать, какое именно

значение реализуется в конкретном примере. Тем не менее, когда это не так и прототипичность действительно приравнивается сильному проявлению качества (например, в (113) и (114)), часто бывает сложно провести границу и отделить значение интенсивности от прототипичности.

(114) *Слушай, а как ты за него замуж вышла? У вас прям **любовь-любовь** была?*

Редуплицированные формы в прототипическом значении нередко встречаются в сочетании с определениями: настоящий (115), классический (113), чистый (116) etc.

(115) *Мария Павловна рассказывала, что в отъезде очень скучала по спектаклям – настоящему **театру-театру** – без всех этих "шоу" (это слово она произносила с явным пренебрежением).*

(116) *Это в ремастере со зрительским мозгом играют как вздумается, а оригинал в данном случае не нужен, т.к. там вообще чистый **экин-экин**, как я из синопсиса понял.*

Помимо этого, во многих случаях употребление лексического клона в данном значении сопровождается дальнейшим пояснением, раскрытием мысли. Примерами могут служить случаи (75)-(76), повторённые здесь как (117)-(118), а также (119):

(117) *Она такая классическая **женщина-женщина**: хочет только выйти замуж и родить детей.*

(118) *Я хотела бы быть такой женщиной-женщиной! Такой томной, загадочной, коротко стриженою, обязательно бледной-бледной и губы красить вишневой помадой, чтобы выделялись пунцово, чтобы словно мазок крови.*

(119) *Очень изящная и кокетливая, сразу видно, что она настоящая леди. И по всем повадкам девочка-девочка: очень общительная, ориентированная на человека.*

Этот факт свидетельствует о том, что сам прототип может не быть всегда априори известным и установленным для слушающего и говорящего, а задаваться в ходе непосредственной коммуникации. Здесь примером может служить одна из записей на сайте проекта «Сноб»¹⁸. «Женщина-женщина» – это заметка Н. Маркович, содержащая шесть зарисовок, каждая из которых начинается со слов «Я хотела бы быть такой женщиной-женщиной!» и раскрывает некоторый женский образ. Первая фраза одной из зарисовок представлена в примере (118), начало другой звучит так:

(120) *А еще я хотела бы быть такой женщиной-женщиной! Очень ехидной и страшно язвительной, с хриплым голосом. И при этом невообразимо талантливой, чтобы всем приходилось меня терпеть.*

В этом примере создаётся очень яркий портрет с характерными чертами, который вполне можно считать прототипическим, но прототипическим в ином смысле, чем (118) или любой другой, описываемый в заметке Н. Маркович, поскольку в каждом конкретном случае понимание прототипа исходит от говорящего и транслируется адресату через эксплицитное объяснение.

¹⁸ <https://snob.ru/profile/28030/blog/104257>

3.5. Дополнительные замечания

Во-первых, я считаю важным прокомментировать два значения, которые выделяет К. А. Гилярова, но которые не были включены в классификацию.

Первое из них – это значение коннотации, которое К. А. Гилярова определяет как «Y, обладающий некоторыми прототипическими свойствами X-а» [Гилярова 2010: 92-93]. Согласно исследовательнице, коннотативное значение реализуется там, где «удвоенное существительное употреблено при «неподходящем референте»» [Гилярова 2010: 93], как в примерах (121)-(122):

(121) *Вафелька вся такая мимими... Лизучая, игручая и прям вот такая девочка-девочка. <...> Целует в нос, хрюкает, поскуливает... (о собаке)¹⁹*

(122) *Я бы покрасила и поцарапала потом. Чтобы была такая деревня-деревня, французский антик (про самодельный диванчик, у которого спинкой служит старая дверь).*

По моим наблюдениям, нет основания выделять такое значение как отдельное: лексический клон здесь употребляется в переносном значении, но происходит такой же метафорический перенос, как и при использовании нередуплицированного слова. Я бы отнесла значение клонов в предложениях (121)-(122) к прототипу, а метафорический перенос назвала бы присущим использованной в данном контексте лексеме как таковой, вне зависимости от наличия или отсутствия редупликации.

Ещё одним самостоятельным значением у К. А. Гиляровой называется положительная оценка («X-X – ‘хороший X’, ‘стоящий X’, ‘красивый X’» [Гилярова 2010: 94]). Действительно, в корпусе примеров встретились случаи,

¹⁹ Примеры (121) и (122)(122) взяты из [Гилярова 2010: 93].

где можно говорить о реализации данного типа значения, см. (123). Тем не менее, все подобные случаи можно интерпретировать как прототип, в понимании говорящего включающий значение высокого качества, поэтому выделять положительную оценку отдельно не кажется оправданным.

(123) – *Какие радиостанции ты слушаешь?*

– *Иногда есть настроение послушать новинки на Европе Плюс, но для **музыки-музыки** всегда выбираю радио Эрмитаж.*

Наконец, в корпусе было зафиксировано некоторое количество примеров, которые не были включены в остальные выделенные классы значения, см., например, (124)-(125). Кажется, что в подобных случаях редуплицированная форма просто выполняет функцию привлечения внимания к какому-либо объекту в дискурсе.

(124) *Тут висит требующая внимания и расшифровки надпись, желающая славы советскому народу-народу.*

(125) *Они вполне могут жить рядом, не называя друг друга врагами и не устраивая срача из-за того, что они разговаривают и думают на разных языках-языках, из-за того, что голосуют за разных кандидатов.*

Также стоит ещё раз упомянуть, что разграничение типов значения является сложной и не всегда объективной задачей: контекст, даже широкий, не во всех случаях даёт достаточную информацию (в первую очередь это относится к письменным источникам – ведь сведения об интонации говорящего являются весомым фактором, помогающим сделать выбор в пользу одного или другого типа интерпретации удвоенного слова). В

результате не всегда получается точно разграничить различные классы значений, а в некоторых случаях в одной единице могут совпадать несколько типов значения.

3.6. Типы интерпретации и контекст

После составления классификации было решено рассмотреть возможную взаимосвязь между тем значением, которое имеет лексический клон, и непосредственным контекстом, в котором он употреблён. Для этого был проведён анализ окружения редуплицированных единиц – как лексического, так и синтаксического.

Сразу нужно заметить, что чётких соответствий, предопределяющих интерпретацию удвоенного слова, обнаружено не было. Все связи контекста и типов интерпретации имеют скорее характер тенденций, и для их полноценного изучения необходим подробный количественный анализ. На данном этапе можно говорить о формулировке некоторых наблюдений, основанных на рассмотрении лексических единиц и синтаксических конструкций, с которыми взаимодействует удвоенная единица – они и представлены в настоящем разделе.

Так, к маркерам относятся определения *настоящий / классический / чистый*: в сочетании с существительными они позволяют однозначно отнести клон к прототипу, см. раздел 3.4.3 настоящей главы и примеры (126)-(128). Также «прототипическая» интерпретация характерна для редупликации в конструкции «*не (прямо/совсем) X-X, а Y*», см. (129). Обратная конструкция («*не X, а X-X*»), однако, будет скорее свидетельствовать о реализации значения интенсивности, см. (130).

(126) *В начале марта пойдем на оценку перспективности, смотр подростков. Натусеночек, настоящий ангел-ангел!!!*

- (127) *Мария и Пьер редко ссорились, но если до этого доходило, то каждый раз это была классическая ссора-ссора – с криками, обвинениями, и заканчивалась она непременно хлопком двери, который потрясал весь дом.*
- (128) *А бармен – чистый кубинец-кубинец, невысокий, с улыбающимися глазами, и всегда со всеми очень радушный.*
- (129) *У него было задание взять интервью для своего журнала...ну пока не совсем интервью-интервью – это в таких условиях представить сложно – а хотя бы познакомиться с владельцем, узнать, насколько он расположен общаться.*
- (130) *Я помню у меня в прошлый раз настроение тоже было даже не ужас, а ужас-ужас.*

Противопоставление лексического клона (Х-Х) единице формата Х-Ү будет говорить о подразумеваемом значении точности / разрешения многозначности, см. примеры (131)-(132), соответственно. Это же значение точности имеет место при редупликации числительных, см. **Ошибка! Источник ссылки не найден.**(133) (за исключением редких случаев, когда удвоение числительного используется для передачи непрямой речи, как в (134)).

- (131) *У его сестры всегда было много друзей: как **друзей-друзей**, так и **друзей-приятелей**.*
- (132) *На начальном этапе бывает сложно отличить **отношения-дружбу** от **отношений-отношений**.*
- (133) *Чтобы получить подходящую справку, мне пришлось сходить в десять мест, меня постоянно отправляли куда-то ещё! Ну не в **десять-десять**, но это всё заняло больше недели.*

(134) *Собирались нормально поговорить, а он все тридцать-тридцать – почему все воспринимают возраст как что-то настолько важное?*

Из семантических соответствий можно обратить внимание на то, что клонирование имён собственных будет выполнять детерминативную функцию (135) либо передавать усиление при обращении (136).

(135) – *О ком речь?*

– *О Маше.*

– *О какой?*

– *О Маше-Маше, которая работает со мной, о ком ещё.*

(136) *Алина-Алина, подожди! Ты что, уже уходишь?*

Как можно заметить, не было засвидетельствовано множество контекстуальных факторов, которые позволяют сделать выбор в пользу одного конкретного типа интерпретации. Скорее можно предположить, что множество ограничений, определяемых для элементов каждого из типов значения, накладываются друг на друга и вместе со всем контекстом коммуникативной ситуации и общими представлениями участников о мире дают слушающему возможность правильно интерпретировать употреблённый лексический клон.

4. Лексическое клонирование в ряду других конструкций с лексическими повторами

4.1. Лексические клоны и другие продуктивные образования, не зафиксированные в словаре

Интересно провести сравнение свойств конструкций с лексическими клонами с другими синтаксически и семантически близкими им языковыми выражениями.

Так, Лоуренс Хорн пишет, что лексические клоны в английском обнаруживают сходство с другими продуктивными образованиями, не отражёнными в словаре (англ. термин *nonce formations*) – в первую очередь, имеется в виду их зависимость от контекста как при порождении, так и при восприятии [Horn 2018: 235].

Хорн проводит параллель со следующими языковыми явлениями в английском языке:

- Дейктические составные слова (англ. *deictic compounds*), указывающие на объект в конкретной коммуникативной ситуации (*apple-juice seat, pumpkin bus, Ferrari woman*)
- Инновационные отымённые глаголы (англ. *innovative denominal verbs*) (*to KLM to Amsterdam, to Houdini the locks open*)
- Существительные с отрицательным префиксом «*un-*»: в частности, где преобразованное слово обозначает ‘почти X’ (*un-cola, un-martini, un-handout*) или ‘едва ли X’ (*un-job, un-politician, un-bank*)
- Нестандартные глаголы с тем же префиксом (*to uninvite a guest, to unburn one's bridges*)

По замечанию Хорна, часто эти слова описывают нестабильное и легко меняющееся положение вещей, поэтому при употреблении любого из упомянутых образований, как и при использовании лексических клонов, не происходит включения единицы в постоянный лексикон. Так, например,

употребление выражения *apple-juice seat* для референции к месту, перед которым поставили стакан яблочного сока, не означает наличие подкатегории понятия «место», включающей все места, перед которыми стоит яблочный сок, в том числе то самое, для которого в данной ситуации было образовано это определение [Downing 1977: 818; цит. по: Horn 2018: 236].

Кроме того, при обсуждении образований, создающихся в рамках конкретной ситуации (англ. *ad hoc concepts*), Л. Хорн упоминает примеры номинализации с использованием суффикса *-ee*, которые также часто используются творчески: *best-wishee, fantasizee, ticklee*.

Итак, все образования, рассматриваемые Л. Хорном, напоминают лексические клоны в том, что их функционирование в языке, появление в коммуникации и трактовка всегда обусловлены контекстом – то есть, между этими явлениями наблюдается параллель в их pragматическом аспекте.

4.2. Лексические клоны и тавтологии типа «*A is A*» («*A есть A*»)

В ходе изучения лексических клонов становится интересно проследить, какие из их свойств присущи исключительно рассматриваемым конструкциям, а какие следуют из их принадлежности к более общим классам языковых явлений. Одним из таких более общих классов является семейство структур с лексическими повторами, в которое, наряду с конструкциями с лексическими клонами, входят тавтологические конструкции (*Люди есть люди*) и т.н. конструкции с тождественными словоформами, способные функционировать и как предикаты, и как полноценные пропозиции (*Маша – девочка как девочка* vs. *Как известно, люди как люди*). Наиболее изученными являются тавтологии, и в данном разделе будут рассмотрены некоторые их особенности, которые можно сопоставить со свойствами конструкций с лексическими клонами.

Тавтологические выражения типа *A is A* анализируются в [Bulhof & Gimbel 2001]. Авторы пишут, что в литературе рассматриваются обычно два

типа тавтологий: псевдотавтологии и тавтологии, содержащие импликатуры. Первые нельзя назвать в полном смысле тавтологическими – это обычные содержательные пропозиции, имеющие совпадающую с тавтологическими высказываниями грамматическую форму. Есть как очень очевидные примеры такого употребления, так и более сложные случаи. Один из самых тривиальных – “*Green is green*”, когда первое использование – фамилия человека, а второе – эпитет, который в английском может характеризовать человека как неопытного / испытывающего зависть / страдающего от морской болезни и т.д. [Wittgenstein 1974: 16; цит. по: Bulhof & Gimbel 2001: 281].

Второй тип тавтологических выражений – это непосредственно тавтологии, которые используются для передачи другого значения по сравнению с тем, что они утверждают буквально, например, *война есть война* или *дети есть дети*. Соответственно, для понимания таких высказываний слушающий должен обнаружить импликатуру, которую подразумевает говорящий при их употреблении.

Итак, авторы в предшествующих работах замечают, что в существующих описаниях высказывания *A is A* либо не являются тавтологическими, но означают именно то, что сказано, либо являются тавтологиями, но значат нечто иное, чем высказанная пропозиция, однако Булхоф и Гимбел не считают такую классификацию исчерпывающей. Они выделяют ещё две категории: высказывания, которые одновременно не являются тавтологиями и не подразумевают того, что сказано (т.н. тавтологии-указатели), и, наоборот, собственно тавтологии, значащие ровно то, что было произнесено.

Примером первого из типов может служить фраза *first things first*. В подобных случаях тавтологическая конструкция в коммуникации выполняет роль символа, отсылающего к некоторой другой пропозиции, в данном случае – к императиву (говорящий пытается побудить слушающего к совершению определённых действий). Получается, тавтология в подобных ситуациях

является не зависящим от контекста указателем, см. [Bulhof & Gimbel 2001: 284].

Наконец, последний тип – это глубинные тавтологии. Из-за своей тавтологической природы они не несут никакой информации о предмете разговора, но информативны в другом смысле – они предоставляют сведения о том, как центральные для темы разговора термины используются в коммуникации.

Например, глубинной тавтологией является первая часть приведённого в статье высказывания *Тирания есть тирания, от кого бы она ни исходила* в контексте политических протестов. Такое употребление означает, что тирания, вне зависимости от того, кто совершает соответствующие действия, вне зависимости от конкретного проявления, места и времени происходящего, будет восприниматься как тирания [Bulhof & Gimbel 2001: 286]. То есть, в такого рода тавтологиях центральная именная группа употреблена в своём точном, конкретном значении (семантический аспект). При этом с прагматической точки зрения они используются для того, чтобы передать, что в понимании говорящего а) «как только сущность удовлетворяет набору условий, достаточных для того, чтобы быть *A*, дополнительные параметры не могут удалить его из набора всех *A*» и б) понятие *A* не допускает градации [Там же: 287].

Итак, для сопоставления с лексическими клонами нам будут интересны собственно тавтологические высказывания, то есть тавтологии, содержащие импликатуры, и глубинные тавтологии. Можно провести три параллели между ними и лексическими клонами: одну, основанную на базовых различиях между двумя обсуждаемыми выше типами интерпретации тавтологий, и две, связанные конкретно с каждым из этих типов.

Во-первых, у тавтологий, как и у лексических клонов, можно противопоставлять интерпретационное и дескриптивное значение (см. раздел 3.2 настоящей главы). Интерпретационным значением в случае высказывания

A is A и его русского эквивалента *A есть A* обладают глубинные тавтологии. По словам Й. Булхофа и С. Гимбела, «как тавтологии, они не могут передавать информацию о мире, но они передают важную информацию о том, как именно говорящий использует центральную именную группу» [Bulhof & Gimbel 2001: 290]. Иными словами, они указывают на то, как слушающему следует понимать употреблённое языковое выражение.

Тавтологические импликатуры, наоборот, выражают дескриптивное значение: высказывания типа *A есть A* благодаря выводимой импликатуре отсылают к определённым качествам референта: например, тавтология *дети есть дети* может характеризовать детей как непослушных, шумных и т.д. Таким образом, возможность дескриптивного и интерпретационного употребления сближает тавтологические конструкции с лексическими клонами.

Далее, общим моментом между лексическими клонами и тавтологиями, содержащими импликатуры, является то, что для трактовки тавтологических высказываний многие исследователи также прибегают к pragматической теории Пола Грайса. Предпосылкой этого является то, что тавтологии, как и лексические клоны, кажутся бессодержательными, нарушающими принцип кооперации. Это несоответствие побуждает слушающего предположить, что говорящий специально включил тавтологию в своё высказывание и рассчитывал, что речевой акт будет передавать другую, содержательную пропозицию.

Так, подобный подход позволяет вывести импликатуру в высказываниях типа *война есть война* и в других случаях употребления тавтологий, содержащих импликатуры. Обращение к pragматической теории П. Грайса и его последователей для объяснения механизма интерпретации данных структур – это вторая аналогия между лексическими клонами и тавтологиями.

Третьей чертой, объединяющей тавтологии (на этот раз, глубинные) и лексические клоны, является способ их интерпретации: для этого типа

тавтологий он совпадает с выделяемым также для лексических клонов значением точности. Как обсуждалось выше, глубинные тавтологии сообщают, как должно быть понято использованное говорящим понятие, и указывают на однозначное толкование: что слово использовано в своём точном значении и не допускает отклонений от него. Как пишут Й. Булхоф и С. Гимбел, глубинные тавтологии достаточно часто встречаются в речи, поскольку многие существительные неоднозначны и имеют как точное, буквальное толкование, так и менее чётко очерченное значение [Bulhof & Gimbel 2001: 287]. По этой же причине может возникать потребность в употреблении лексического клона, как, например, в (137)-(138):

(137) *От скульптора-актёра нас повезли к скульптору-скульптору: в дом-музей Родена.*

(138) *Ешьте блюда и овощи из круп вместе с постным мясом. Многие овощи являются хорошими источниками гем, но не железа-железа.*

Таким образом, тавтологии имеют несколько пересечений с лексическими клонами. К ним относится, в первую очередь, противопоставление собственно языковых и метаязыковых интерпретаций, которое характеризует значительное число языковых явлений – как минимум, высказывания, выражающие оценку, см. [Umbach 2016], лексические клоны и тавтологии. Другое сходство, объединяющее эти два явления – необходимость обращения к pragmatике при анализе их значения, например, к теории П. Грайса. Третьей общей чертой является более частное значение точности (указание на использование языкового выражения в буквальном значении), реализуемое как у глубинных тавтологий, так и у некоторых случаев употребления лексических клонов.

4.3. Конструкции «Такой X-X» и «X такой X»

Также можно рассмотреть конструкцию *X такой X*, которая сопоставляется с конструкцией с лексическим клоном *такой X-X*, см. [Вилинбахова 2011; Гилярова 2013]. Различие, которое проводится К. А. Гиляровой между данной конструкцией и лексическим клонированием, заключается в их сфере употребления: если первая встречается преимущественно в языке интернета – в блогах, чатах, социальных сетях – то второе явление характерно для устной речи [Гилярова 2013: 257]. В этом же, однако, проявляется одно из их сходств – использование в разговорных, менее кодифицированных, чем письменная речь, формах языка.

Другое сходство заключается в наличии общего значения, передаваемого в определённом контексте обеими конструкциями: ‘хороший, красивый, стоящий X’ [Гилярова 2013: 263]. Тем не менее, для *X такой X* данное значение не является характерным: как замечает К. А. Гилярова, чаще конструкция употребляется, чтобы «подчеркнуть негативные прототипические черты» референта [Там же: 260].

Так, К. А. Гилярова обращает внимание на контраст, создающийся между значениями, реализующимися при заполнении рассматриваемых конструкций словом «мама». Выражение *Mama такая мама* подразумевает снисходительно-ироничное отношение, создавая образ «немолодой женщины, отставшей от жизни, дающей глупые советы, нелогичной, чрезмерно опекающей своего ребёнка и вмешивающейся в его жизнь» [Гилярова 2013: 263]. *Такая мама-мама*, напротив, актуализует позитивный прототип в сознании слушающего: молодая, заботливая, уделяющая много внимания детям [Гилярова 2010].

Наконец, ещё одним различием в семантике двух конструкций является то, что *X такой X* может передавать значение несоответствия некому стереотипу, в то время как для лексического клонирования прототипичность,

наличие характерных признаков X -а выделяется К. А. Гиляровой как одно из основных значений²⁰ [Гилярова 2010].

4.4. Лексические клоны и другие структуры с тождественными словоформами

Описание многих встречающихся в русском языке конструкций с тождественными словоформами представлено в [Санников 2008]. В. З. Санников отмечает, что, несмотря на их внешнее сходство и «кажущееся единство», спектр таких конструкций чрезвычайно разнообразен [Санников 2008: 362].

Обсуждая их структуру, Санников выделяет конструкции бессоюзные, в которых постановка союза в принципе не допустима, см.(139)-(140); конструкции, где возможен соединительный союз «и» или «да»²¹, см. (141)-(142), а также конструкции, где использование союза необходимо, см. (143)-(145) [Санников 2008: 365]. Получается, что часть явления лексического клонирования в русском языке, а именно редупликация прилагательных (и наречий) через дефис входит в число исследуемых в его работе.

(139) *Кто, кто приходил?*²²

(140) *Весело-весело было.*

(141) *Снег да снег кругом.*

(142) *Он рос и рос.*

(143) *Я верил и не верил.*

²⁰ Здесь можно отметить, что значение несоответствия стереотипу свойственно не самой по себе конструкции « X такой X », а только её употреблению с иронией. Для конструкции «такой X - X » ироническое употребление, наоборот, не характерно.

²¹ При этом союзы «и» и «да» обычно не являются взаимозаменимыми: конструкция может допускать либо один из них, либо другой [Санников 2008: 365].

²² Примеры (139)-(145) – тоже из [Санников 2008].

(144) *Бывают аварии и аварии.*

(145) *Ну медведь и медведь*

Интересно обратить внимание на те свойства, которые объединяют лексические клоны с остальными структурами с тождественными словоформами. Например, Санников пишет о сложности определения некоторого общего значения каждой из конструкций, что не раз подчёркивалось многими исследователями редупликации и в том числе обсуждалось в настоящей работе. Он пишет: «При внешнем сходстве [...] значение конструкции в разных условиях обычно резко и (не побоюсь сказать) непредсказуемо меняется. Иногда это происходит за счет контекста, описывающего конкретную ситуацию» [Санников 2008: 366]. Отсутствие одного фиксированного значения характеризует большинство конструкций с тождественными словоформами.

Также Санников упоминает тот факт, что все подобные конструкции практически не употребляются в формальных и деловых ситуациях, поскольку «точность и сжатость делового языка не допускают повторов, избегают эмоциональности, стремятся к строгой объективности, и конструкции с тождественными словоформами представляются несколько «вольными»» [Санников 2008: 362].

Поскольку в работе при описании конструкций основное внимание уделяется их семантике, можно говорить о конкретных сходствах и отличиях между ними именно в этом плане. Так, обычный повтор (*весело, весело*), максимально похожий на лексическое клонирование по форме, по мнению Санникова, отличается от него прежде всего отсутствием идиоматичности, наращения смысла [Санников 2008: 370].

Возможность реализации значения интенсивности признака сближает рассматриваемое явление с редупликацией вида *дурак дураком*, когда первый

элемент стоит в именительном падеже, а второй – в творительном, см. (146). Этот тип рассматривается среди прочих тавтологических конструкций в [Копотев, Стексова 2016].

(146) *Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком* (А. Чехов. Вишневый сад)²³.

Это же значение является одним из возможных для конструкции *X так X*, хотя его и нельзя назвать основным [Там же]:

(147) *Что поделать, климат континентальный, не знает погода меры – холод так холод, жара так жара* (Октябрь, 2002).

Интересные семантические сходства лексические клоны обнаруживают с конструкцией *X как X*. Так, несмотря на то, что частое их значение – это указание на типичность референта, его обыденность (то есть «нижняя граница» нормы, см. (148)), в то же время такие структуры способны обозначать некоторого эталонного представителя класса, см. (149) – то есть, в таких случаях возможно прототипическое прочтение, соответствующее «верхней границе» нормы ('настоящее лето'), так же, как и у конструкций с лексическими клонами [Vilinbakhova, Kriukova 2018].

(148) *Англичанин Джой Фрост коллекционирует газеты. [...] Были б они газеты как газеты, не стал бы их собирать эксцентричный британец!*²⁴

²³ Примеры (146) и (147) взяты из [Копотев, Стексова 2016].

²⁴ Примеры (148)(148) и (149) взяты из [Vilinbakhova, Kriukova 2018].

(149) *Хотел бы жить, там где есть рядом горы и там где зима это зима, а лето как лето.*

Ещё одна параллель со значением лексической редупликации заключается в том, что сравнительные высказывания *X как X* допускают, чтобы основание для оценки референта как типичного не было установлено извне и известно заранее говорящему и слушающему, а исходило от самого говорящего с опорой на его собственный опыт [Там же]. Возможность такой «субъективности» совпадает с теми случаями, когда при реализации прототипического значения у лексических клонов понимание прототипа задаётся говорящим (см. раздел 3.4.3). То есть для обеих конструкций верно, что их определённая трактовка создаётся в рамках конкретной ситуации (то, что в англоязычной традиции называется *ad hoc concept*).

Возвращаясь к структурам, рассматриваемым в [Санников 2008], можно упомянуть ещё несколько пересечений. Так, свойство иконичности объединяет с некоторыми случаями лексического клонирования конструкции вида *Он рос и рос* (в классификации Санникова, к тому же типу относятся повторы, как в (150)) [Санников 2008: 373].

(150) *Мы выходили из гостиной на балкон, садились на теплые доски — и думали, думали (И. Бунин. Суходол)*²⁵.

В некоторых структурах, кроме того, реализуется элемент оценочности, ср. *На обед — каша да каша* (‘на обед постоянно бывает каша — и это плохо’) [Санников 2008: 375] или, наоборот, *Бываю разбойники и разбойники. Есть среди них и Робин-Гуды*, где заметно положительное отношение даже к «заведомо нежелательным явлениям» [Там же: 376]. В отличие от подобных

²⁵ Пример также взят из [Санников 2008: 373].

конструкций, выражение оценки не свойственно лексическим клонам самим по себе – оно встречается только в качестве компонента прототипической трактовки, как это было показано в разделе 3.5.

Итак, многие элементы значения лексического клонирования находят параллели в других конструкциях с тождественными словоформами. Некоторые, однако, свойственны только этому типу редупликации и не повторяются среди значений других структур.

Заключение

Итак, в работе был представлен анализ явления лексического клонирования в русском языке и была разработана классификация типов значения, реализуемого в конструкциях с лексическими клонами.

Учитывая наблюдения об анализируемом явлении, высказанные в предшествующих работах, были исследованы их синтаксические особенности, прагматика и семантика, а также было проведено их сопоставление с другими конструкциями с тождественными словоформами и тавтологиями.

В первой части работы были рассмотрены различные подходы к изучению лексического клонирования. Отдельное внимание было уделено обзору изучения редупликации в русском языке: какие её виды выделяют исследователи, что пишут об их функциональном статусе и семантике, а также на каком этапе находится изучение лексических клонов отечественными исследователями. Также была определена специфика явления лексического клонирования в русском языке по сравнению с явлением контрастивной фокусной редупликации.

Вторая часть работы была посвящена многоаспектному анализу данного явления в русском языке. Было проведено исследование случаев лексического клонирования, собранных из различных источников, начиная с формальных свойств данных конструкций: графического отображения их просодического единства, контрастивного выделения одного из элементов и существующих ограничений на то, какие языковые элементы могут становиться частью конструкций и в каких синтаксических функциях они могут выступать.

На основании проведённого анализа и описанных в литературе типов интерпретации лексических клонов была создана классификация зафиксированных в корпусе значений конструкций с лексическими клонами. При этом впервые при анализе данного языкового явления было проведено ключевое разграничение двух типов значения: тех, которые дают инструкции

к пониманию слова (интерпретационные, или метаязыковые значения) и тех, которые отсылают к внеязыковому свойству референта (дескриптивные значения). После этого были рассмотрены контекстуальные факторы, которые способствуют большей вероятности выбора того или иного способа интерпретации лексических клонов. В последней части работы было проведено сопоставление конструкций с лексическими клонами с другими продуктивными образованиями, не зафиксированными в словаре, с тавтологиями типа *X есть X*, а также с некоторыми другими структурами с тождественными словоформами (*X такой X*, *X как X* и др.).

На основании полученных данных можно сформулировать следующие выводы относительно исследуемых конструкций:

- Лексическое клонирование в русском языке не полностью совпадает с явлением контрастивной фокусной редупликации, которая в английском часто понимается как полный синоним лексического клонирования: в русском языке контрастивная фокусная редупликация представляет собой незначительную часть всего изучаемого явления.
- При лексическом клонировании в русском языке могут редуплицироваться в первую очередь слова, а также объединённые одним ударением единицы больше слова.
- Элементами конструкции с лексическими клонами могут становиться слова всех знаменательных частей речи.
- Лексические клоны почти не ограничены по синтаксической функции, которую могут выполнять в предложении, а также используются во многих противопоставительных конструкциях и структурах с перечислением.
- Для русского языка выделяется, как минимум, девять значений лексических клонов – то есть множество возможных интерпретаций в русском языке шире, чем, например, в английском языке. Ключевым

является разграничение между интерпретационными значениями (указание на способ интерпретации языкового выражения) и дескриптивными значениями (указание на внеязыковые свойства референта).

- Не существует однозначной связи между конкретным типом контекста употребления лексического клона и тем значением, которое редуплицированная форма будет иметь в высказывании. Тем не менее, можно выделить ряд факторов (см. раздел 3.6 в Главе II), в первую очередь синтаксических, которые сужают множество возможных в определённом контексте типов значения.
- Лексические клоны сближаются с другими структурами, содержащими повторы, как в семантическом, так и в pragматическом аспекте. Основная причина сходств заключается в том, что лишь в очень редких случаях способ интерпретации лексического клона бывает обусловлен исключительно самой употреблённой единицей: как правило, редуплицированная форма приобретает определённое значение за счёт того контекста, в котором она используется. Помимо этого глобального соответствия, выявлены пересечения значений с конкретными конструкциями.

Данная работа оставляет ряд вопросов для последующего изучения лексических клонов в русском языке. Во-первых, интересно было бы привлечь более широкий материал неформальной устной коммуникации, чтобы подробно изучить то, как лексические клоны употребляются в современном разговорном языке.

Во-вторых, кажется перспективным использование экспериментальных методов при исследовании лексического клонирования: опросы носителей могут внести вклад в изучение функционирования структур с лексическими клонами в живом языке.

Так, необходимым является более подробный анализ контекстуальных факторов, помогающих сделать выбор в пользу того или иного типа интерпретации лексического клона – и эксперименты могут являться источником информации для изучения роли контекста в этом процессе: например, испытуемым для интерпретации могут быть предложены клоны с определённым лексическим наполнением или языковыми маркерами, способствующими выбору какой-либо конкретной трактовки лексического клона.

Также опрос носителей может помочь при получении сведений о том, как воспринимаются изучаемые конструкции говорящими (например, насколько приемлемым считается употребление лексических клонов в формальных ситуациях / в публичной речи и т.д.).

Наконец, привлекает внимание вопрос о диахроническом развитии различных значений и порядке их вхождения в употребление. Так, некоторые из значений существуют очень давно и не воспринимаются как что-то новаторское и творческое (*сильно-сильно, конечно-конечно* и т.д.), другие, видимо, появились недавно и постепенно накладываются на уже существующие типы интерпретации, взаимодействуя с ними некоторым образом. Например, использование существительных для передачи значения интенсивности связано с тем, что данное значение является основным при удвоении качественных прилагательных, и такое понимание является результатом осмыслиения существительных как в том или ином отношении градуируемых понятий. Этот аспект перехода / расширения значения, как и другие источники той интерпретации, которая фиксируется в современном языке, представляют большой интерес для изучения.

Подводя итоги, на данном этапе можно сказать, что разделение дескриптивных и интерпретационных типов значений, проводимое в работе, является принципиальным для проведённого исследования, поскольку такое противопоставление включает классификацию в более широкий круг

исследований, занимающихся различными аспектами функционирования языковых структур в дискурсе. Кроме того, созданная классификация интегрирует и осмысляет случаи редупликации различных частей речи, которые раньше на материале русского языка рассматривались преимущественно по отдельности. Можно надеяться, что работа послужит основой для дальнейших исследований лексических удвоений и поможет в создании единого всестороннего описания системы редупликации в русском языке.

Литература

- Арсентьева, Валиуллина 2013 – *Арсентьева Е. Ф., Валиуллина Р. Б. Редупликация в современном английском и русском языках* // Филология и Культура. 2013. №1 (31). С. 12–16.
- Вежбицкая 1999 – *Вежбицкая А.* Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллокутивная семантика // Семантические универсалии и описание языков (пер. с англ.). М. : Языки русской культуры, 1999. С. 224–259.
- Вилинбахова 2011 — *Вилинбахова Е. Л.* О конструкции вида «муж такой муж» в русском языке (на материале Интернет-источников) // Тезисы конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», Санкт-Петербург, 24—26 марта 2011 г. <http://iling.spb.ru/conf/rusconstr2011/pdf/Vilinbaxova.pdf>; хендаут https://iling.spb.ru/conf/rusconstr2011/materials/Vilinbaxova_handout.doc
- Гилярова 2010 – *Гилярова К. А.* Такая Девочка-Девочка. Семантика Редупликации Существительных в Русской Разговорной Речи и Языке Интернета // Кибрик А. Е. (Ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции "Диалог" (2010). Т. 9. Вып. 16. М. : РГГУ, 2010. С. 90–96.
- Гилярова 2013 – *Гилярова К. А.* Статья такая Статья. Об одном типе редупликации в Современном русском языке // Селегей В. П. (Ред.) Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции "Диалог" (2013). Т. 1. Вып. 12 (19). М. : РГГУ, 2013. С. 256–269.
- Голда, Матвеева 1986 – *Голда Л. А., Матвеева Т. В.* Структурно-семантическая классификация лексикализованных повторов // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1986. С. 95–104.

Зарипова 2008 – *Зарипова А. М.* Лингвокультурологический анализ редупликации в традиционных детских стихах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2008. 22 с.

Исраэли 1996 – *Исраэли А.* Лексическая редупликация в русском языке // *Russian Language Journal.* 1996. №165–167. С. 83–90.

Копотев, Стексова 2016 – *Копотев М. В., Стексова Т. И.* Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М. : Языки славянских культур, 2016. 168 с.

Крючкова 2004 – *Крючкова О. Ю.* Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // *Русский язык в научном освещении.* М. : Языки славянской культуры, 2004. №2 (8). С. 63–85.

Левонтина 2010 – *Левонтина И. Б.* Атака клонов // Троицкий вариант — Наука. 2010. №13 (57). URL: <https://trv-science.ru/2010/07/06/ataka-klonov/> (дата обращения: 26.03.2019).

Пальвелева 2013 – *Пальвелева Л.* Такая осень-осень // Радио Свобода. 2013. URL: <https://www.svoboda.org/a/25127995.html#comments> (дата обращения: 16.04.2019)

Пахолок 1996 – *Пахолок З. А.* Семантическая корреляция лексического контактного повтора и редупликации // Семантика языковых единиц: Докл. V Межд. конф. Т. 2. М., 1996. С. 187–188.

Рожанский 2010 – *Рожанский, Ф. И.* (2010). Редупликация как объект типологии // *Acta Linguistica Petropolitana.* Труды института лингвистических исследований. 2010. №6 (3). С. 192–210.

Санников 2008 – *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М. : Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Саньярова 2018а – *Саньярова Н. С.* Правописание редупликатных образований // Концепт. 2018. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravopisanie-reduplikatnyh-obrazovaniy> (дата обращения: 11.04.2019).

Саньярова 2018б – Саньярова Н. С. Редупликация в системе разноуровневых средств повтора в русском языке // Концепт. 2018. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reduplikatsiya-v-sisteme-raznourovnevyh-sredstv-povtora-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 26.03.2019).

Хохлова 2016 – Хохлова М. В. Обзор больших русскоязычных корпусов текстов // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: сборник научных статей. Труды XIX Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2016), Санкт-Петербург, 22 – 24 июня 2016 г. — СПб : Университет ИТМО, 2016. С. 74–77.

Штейнберг 1969 – Штейнберг Н. М. Редупликация в современном французском языке. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1969. 69 с.

Apresjan 2018 – Apresjan, V. Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study // *Russian Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 22 (3). Pp. 653–674.

Berlin, Kay 1969 – Berlin B., Kay, P. Basic Colour Terms: their Universality and Evolution. Berkeley, California : University of California Press, 1969.

Bulhof & Gimbel 2001 – Bulhof, J., Gimbel, S. Deep tautologies // *Pragmatics & Cognition*. 2001. Vol. 9 (2). Pp. 279–291.

Downing 1977 – Downing, P. On the creation and use of English compound nouns // *Language*. 1997. Vol. 53 (4). Pp. 810–842.

Dray 1987 – Dray, N. Doubles and Modifiers in English. Unpublished M.A. thesis. Chicago : University of Chicago, 1987.

Ghomeshi et al. 2004 – Ghomeshi, J., Jackendoff, R., Rosen, N., Russell, K. Contrastive focus reduplication in English (the Salad-Salad paper) // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22. Pp. 307–357.

- Horn 1993 – *Horn, L.* Economy and Redundancy in a Dualistic Model of Natural Language // Shore, S. & Vilkuna, M. (eds.) *Yearbook of the Linguistic Association of Finland*. Helsinki : SKY, 1993. Pp. 31–72.
- Horn 2008 – *Horn, L.* Pragmatics and the lexicon // van Sterkenburg, P. (ed.). *Unity and Diversity of Languages*. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2008. Pp. 29–41.
- Horn 2018 – *Horn, L.* The lexical clone: Pragmatics, prototypes, productivity // Finkbeiner, R. & Freywald, U. (eds.) *Exact Repetition in Grammar and Discourse*. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2018. Pp. 233–264.
- Huang 2009 – *Huang, Y.* Neo-Gricean Pragmatics and the Lexicon // *International Review of Pragmatics*. 2009. Vol. 1. Pp. 118–153.
- Huang 2015 – *Huang, Y.* Lexical cloning in English: A neo-Gricean lexical pragmatic analysis // *Journal of Pragmatics*. 2015. Vol. 86. Pp. 80–85.
- Israeli 1997 – *Israeli, A.* Syntactic reduplication in Russian: a cooperative principle device in dialogues // *Journal of Pragmatics*. 1997. Vol. 27. Pp. 587–609.
- Keevallik 2010 – *Keevallik, L.* Social action of syntactic reduplication // *Journal of Pragmatics*. 2010. Vol. 42 (3). Pp. 800–824.
- Lee 2007 – *Lee, B.* A Focus Account for Contrastive Reduplicatioin: Prototypicality and Contrastivity // *SNU Working Papers in English Linguistics and Language*. 2007. Vol. 6. Pp. 78–90.
- Moravcsik 1978 – *Moravcsik, E. A.* Reduplicative constructions // Greenberg, J. H. (ed.). *Universals of Human Language*. Vol. 3. Word Structure. Stanford : Stanford University Press, 1978. Pp. 297–334.
- Nadarajan 2006 – *Nadarajan, S.* A crosslinguistic study of reduplication // *Arizona working papers in SLAT*. 2006. Vol. 13. Pp. 39–53.

Rubino 2013 – *Rubino, C.* Reduplication // Dryer, M. S. & Haspelmath, M. (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. URL: <http://wals.info/chapter/27> (accessed 16 April 2019).

Sacks et al. 1974 – *Sacks, H., Schegloff, E. A., Jefferson, G.* A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. Vol. 50 (4). Pp. 696–735.

Song & Lee 2011 – *Song, M., Lee, C.* CF-reduplication in English: Dynamic Prototypes & Contrastive Focus Effects // Ashton, N., Chereches, A., Lutz, D. (eds.). *Proceedings of SALT (Semantics and Linguistic Theory Conference) 21*. 2011. Pp. 444–462.

Stevens 2017 – *Stevens, J.* Pragmatics of Focus // *Oxford Research Encyclopedia of Linguistics*. Ed. 2017. URL: <https://oxfordre.com/linguistics/view/10.1093/acrefore/9780199384655.001.0001/acrefore-9780199384655-e-207> (accessed 11 May 2019).

Umbach 2016 – *Umbach, C.* Evaluative propositions and subjective judgments. // van Wijnenbergen-Huitink, J. & Meier, C. (eds.) *Subjective meaning. Alternatives to relativism*. Berlin, Boston : De Gruyter, 2016.

Vermeulen 2010 – *Vermeulen, R.* The syntax of topic, contrast and contrastive topic. Short paper prepared for the presentation at the On Linguistics Interfaces II (OnLI II) conference at the University of Ulster, December 2010. URL: <http://www.gist.ugent.be/file/55> (accessed 11 May 2019).

Vilinbakhova, Kriukova 2018 – *Vilinbakhova, E., Kriukova, A.* Russian Comparison Structures with Identical Constituents *A kak A* ‘A (is) like A’. Paper presented at the 2nd HSE Semantics & Pragmatics Workshop, Moscow, 4-5 September 2018.

Whitton 2006 – *Whitton, L.* The semantics of contrastive focus reduplication in English: Does the construction mark prototype-prototype? Unpublished manuscript. Stanford : Stanford University, 2006.

Wittgenstein 1974 – *Wittgenstein, L.* Tractatus Logico-Philosophicus. Atlantic Highlands, NJ : Humanities Press, 1974.

Zimmermann 2007 – *Zimmermann, M.* Contrastive Focus // Fery, C. Fanselow, G. & Krifka, M. (eds.). *Working Papers of the SFB632, interdisciplinary Studies on Information Structure (ISIS)*. Vol. 6. The Notions of Information Structure. Potsdam : University publishing house Potsdam, 2007. Pp. 147–159.